

иван калашников

дети на дороге

рассказы

16+

Иван Калашников

Дети на дороге

«ЛитРес: Самиздат»

1992

Калашников И.

Дети на дороге / И. Калашников — «ЛитРес: Самиздат», 1992

Сборник малой прозы, написанной автором в период с 1992 по 2009 годы. Истории любви, жизненные истории, социальная фантастика, остросюжетный детектив – всё это в сборнике рассказов Ивана Калашникова «Дети на дороге».

Содержание

Уроки Терпения	5
Вторая причина	12
Большие горо-ДА!	28
Лучшие традиции	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Уроки Терпения

Ранним октябрьским утром доктор Джаз проснулся в двух километрах от города на высохшей к этому времени года траве. Проснулся он уже давно, однако глаза раскрывать не спешил. Сверху он был похож на убитую летучую мышь – так причудливо разметался по земле его плащ цвета мокрого асфальта; может, цвет плаща назывался как-то иначе, но сам Джаз представить себе мокрый асфальт мог не всегда.

Наконец, он раскрыл глаза. Перед ним во всём величии красовался жёлтый пучок травы. Если бы по нему полз муравей, можно было бы запросто почувствовать себя Гулливером в стране великанов.

Пренеприятное ощущение – мобильный телефон в боковом кармане. Особенно если ты – Гулливер в стране великанов.

– Алло! – прошептал ему в ухо милый девичий голос, заставивший почувствовать дикую зависть оттого, что кому-то сегодня утром может быть хорошо...

– Можно поговорить со Стивой?

– С Константином Дмитриевичем? Одну минуту...

Девушка положила трубку на стол аккуратно, подошедший же Стива схватил её с таким грохотом, что у Джаза мозги едва не вытекли через уши...

– Да! – выстрелил-выкрикнул Стива.

– Привет, Стива, – как можно мягче сказал Джаз.

– Джаз, ты, скотина, полтора месяца на кредите сидишь, моих родных напрягаешь, ква-сишь как сапожник, – откуда ты, на фиг, взялся, скажи на милость?!

– Стива, перемены есть? – осторожно спросил Джаз.

– Есть, родной, есть, – заверил его адвокат. – Раньше я тебя никогда не посылал куда-нибудь далеко-далеко?

– Нет, – растерянно ответил Джаз.

– С этого дня буду, – пообещал Стива.

– Стива, есть перемены, или нет, скажи по-человечески! – раздражённо произнёс Джаз.

– А звонить ко мне домой после полуночи в дрезину синим – по человечески?! – проорал Стива.

Между ними повисло молчание.

– Ну, прости, – Джаз переложил трубку из одной руки в другую. – Стива, так есть пере...

– Есть, сукин ты сын, есть. Работает один деятель не покладая рук...

– И как успехи?

– Пока никак, – произнёс Стива тоном уже лишённым какой-либо злобы.

– Чего ж ты разоряешься?

– А ты медали от меня ждёшь? – отозвался адвокат.

– Ладушки, – сказал Джаз. – Будут перемены – проинформируй...

– Подо...

Поздно, родной, мрачно подумал Джаз, вешая трубку...

Если полоскание рта у фонтанчика с питьевой водой можно назвать чисткой зубов, то в таком случае, Джаз тщательно умылся, почистил зубы, вытерся махровым полотенцем (носовым платком, хоть и чистым, зато с какими-то противными на вид крошками) и обернулся в поисках дворцового с чашечкой кофе в руках.

Вместо этого он наткнулся на взгляд настороженных глаз паренька, лет двенадцати. Мальчик наблюдал за Джазом, очевидно, давно, он даже оставил ради такого зрелища езду на велосипеде. Две пары глаз с разницей в десять с небольшим лет встретились. Джаз спросил:

– Который час?

Мальчик быстро пожал своими худыми плечами:

– Часов девять...

Джаз опустил голову, и сам у себя спросил: ты был счастлив по утрам в свои двенадцать лет?

Осталось узнать своё месторасположение, однако паренёк куда-то исчез. Делиться впечатлениями с родителями? Папа, папа, я видел чудовище с красными глазами и чёрными крыльями... А может он затаился где-то от беды подальше и наблюдает за Джазом своими серыми глазами?

Джаз вспомнил, у кого он ещё видел такие глаза, и ему стало грустно.

Как всегда.

– Привет, Боря.

Боря Карамелькин штурмовал пишушую машинку одним указательным пальцем правой руки. При появлении Джаза его круглое лицо расплылось улыбке «ну-ты-брат-вчера-сделал!»

– Как ты умудрился из машины выпасть? – всё ещё улыбаясь, спросил Боря.

– Как вы умудрились меня потерять, остолопы? – произнёс Джаз. – Ладно, я готовальной был, но ведь кто-то же за рулём сидел...

– Сидел, – радостно подтвердил Боря. – Юрик и сидел!

– Толстый?

– Ага.

– Тогда всё понятно, – кивнул Джаз. – Машину хоть не потерял?

– Нет, только крыло поцарапали.

– Серёга не звонил?

Боря метнул на него подозрительный испытывающий взгляд из-под густых бровей и помотал головой...

ДЗИ-И-И-И-И-И-И-ИНЬ!!!

Головной боли не было. И вещи под ногами не валялись. И в квартире никого не было кроме него самого. День начался ещё удивительнее предыдущего. Затем всё стало на свои места.

Это был Юра-толстяк. Запыхавшийся и красный, он сразу же вбежал на кухню и долго пил воду из-под крана. Джаз прошёл следом, тяжело опустился на кухонный табурет, наблюдая за коллегой.

Юра, наконец, отошел немного, опёрся о стену и выдавил:

– Серёгу завалили...

Вот так. Сереге всё же повезло – прожил на четыре дня дольше положенного. Сидел в доме друга-лесника. Лесник пошёл прицепом – умеи выбирать друзей, нечего кредиторов на ночлег пускать...

...Жил-был мальчик Серёжа со смазливой внешностью и богатым сексуальным опытом. Последствием этого опыта стала двойня. Супруга родом была из деревни. Естественно, после крестьянских хором проживание вшестером в трёхкомнатной квартире показалось ей чем-то не тем. Картины, может, на стенах не те висели. Потому в одно ухо Серёги неслись поздравительные телеграммы «Ты меня в могилу свести хочешь?!» (от матери) и «Я в этом гадюшнике всю жизнь жить не собираюсь!» (от жены). Серёга долго не думал – взял да и занял денег у тех, кто их имеет.

Кто имеет сейчас деньги?.. Правильно, юноша!

И главное, могли ведь подождать, сволочи, и год, и два, просто хотят поставить на место, таких как Джаз, Юра Карамелькин, и им подобных.

Серёга не успел отдать деньги к положенному сроку. Он не отдал бы их и через год, не отдал бы и через два... не рассчитал.

После Юры появился милиционер. С каких пор знаком? С детского сада... нет... не знаю... Не видел... нет... не-е-е-т!..

С трудом дождавшись окончания похорон, Джаз вынул из толпы Вадика-программиста и потащил его с кладбища в город. Перед прилавком Вадик колебался, Джаз – нет.

– Две литровые...

– Алё...

– Джаз, это ты, скотина?

– Я-а-а...

– Я тебя...

– Стива-а-а...

– Что?! – проорал Стива и. Наверное, разбудил свою жену, если та ещё не проснулась.

– Есть какие-ниб... перррр...

Всё, финиш.

Джаз долго пытался понять систему действий Вадика. Точнее, не систему, а логику. Система была проста: выпил и отключился. Где логика? Нет логики. Вот, полюбуйтесь: опытный программист сидит на диване, запрокинув голову назад, опустив челюсть, едва ли не до пола. Как он смог докатиться до такого состояния?..

А ты сам как докатился до такого состояния?

– Джаз, есть... Есть перемены, – сказал кто-то. В следующую секунду Джаз обнаружил, что до сих пор держит в руке телефонную трубку. А в трубке надрывался Стива. То есть Костик. То есть Константин Дмитриевич. То есть, какая разница?

– Ка... Какие перемены? – осторожно спросил Джаз, потеряв всякий интерес и к Вадиду, и ко всему остальному вообще.

– Хорошие перемены, Джаз, – устало произнёс Стива. – Завтра перезвони...

– Какое «завтра»! – закричал Джаз срывающимся голосом. – Говори сейчас!

– Я не собираюсь повторять твоей упитой голове одно и то же двести раз. Меня на это не хватит, – адвокат вздохнул. – Надеюсь уйти в длительный отпуск после всего ...

– Стива...

– Завтра, Джаз, завтра, – прервал его Стива, – и не забудь зубы почистить...

Завтра.

Всю дорогу к офису Джаз обрывал телефоны в адвокатской конторе. Костика там не было, как не было его и дома. Казалось, всё было подстроено специально, чтобы довести Джаза до критической точки безумия. Где Стива? Ушёл по делам...

...Свадьба. Без родителей и без машины с куклой. Только полупьяные друзья за спиной и кольца – тонкие, как волос. Женичина перед ними с плохо скрываемой насмешкой... вот родилось новое общество в нашей великой стране... Руки дрожали, совсем чуть-чуть, когда подписывались в свидетельствах.

Нам ведь всё по фигу, не так ли?

Так, но не стоило в это «по фигу» вмешивать государство.

Ты недостойна нашей семьи – это тесть. Кто его-то спрашивал? Раз ты недостойна его семьи, значит, он недостойн нашей.

После росписи все пошли в общагу, где на выписанную материальную помощь на шестерых человек была накрыта поляна. Кого-то с осмысленным выражением на лице в тот вечер

найти было очень трудно. После танцев гости отдавались друг другу практически без разбору – какой трезвый рассудок выдержит подобное?

Один такой рассудок всё же был...

– Боря, – позвал Джаз.

– Чего?

– У тебя дети есть?

– Двое.

Пауза.

– Дважды счастливый человек, – вздохнул Джаз.

В следующий момент зазвонил телефон...

Странно... Он всегда просыпался с убийственной головной болью по утрам, а у окна сидела она и поспешно вытирала молчаливые слёзы. Вот так мы встречали утренний восход. А как он путал этажи! Это целая эпопея! Да и как их можно не перепутать, если крыша залита до самых краёв!

А потом где-то под потолком загорелся белый, засиженный мухами плафон, рядом – какое-то чужое тело, с длинными выющимися волосами и упругой грудью, а в двери...

А в двери – она.

– Я слушаю! – выкрикнул Джаз, и крик его был полон боли.

– Это Джаз, – голос на том конце не спросил, а констатировал факт: это Джаз. Старый, добрый пьяница Джаз. Можно начинать.

– Костя, где ты был?

– В Караганде, – деловито ответил адвокат. – На встрече в верхах, разумеется, где же ещё. Она звонила, Джаз. Лично.

– Кому – тебе? – изумился Джаз.

– Ну, не тебе же, сукиному сыну!

– А почему не мне?

– А ты взгляни на себя в зеркало – сразу поймёшь, – сказал ему Стива. – Она согласна, Джаз...

У него перехватило дыхание. Джаз ожидал любых трудностей, но чтобы вот так всё просто...

– Не может быть, – пробормотал он в трубку.

– Может, может, – заверил его адвокат, – просто ты её недостаточно хорошо знаешь...

Совершенно незаметно подкралась головная боль. Да что там голова – казалось, все предшествующие депрессии сконцентрировались в одно целое под названием «боль» и вошло, проникло, как чернила растворилось в кристально чистой воде.

– Стива, подожди немного, – попросил Джаз.

– Да без проблем, – великодушно согласился тот.

Джаз откинулся на спинку стула и сжал руки в кулаки...

Странно...

Ему удалось получить диплом, а ей нет. Он вообще не встречался с ней после развода. С глаз долой – из сердца вон; ты хоть раз вспомнил о ней до того памятного вечера в 406-й комнате общежития, когда дружно отмечали очередную годовщину родной армии и военно-морского флота, когда Юра-толстяк положил тебе руку на плечо и сказал: «У тебя родился ребёнок, Джаз, – Юра улыбался. – Твой ребёнок. Твой сын...»

- Стива, – позвал Джаз.
- По-прежнему с вами, – немедленно откликнулся адвокат и Джаз понял, что его друг безгранично рад так удачно разрешившейся проблеме. Его, Джаза проблеме.
- Стива, ты сейчас занят?
- Если ты собираешься отметить это дело, я – пас, – категорично заявил адвокат.
- Да нет, – Джаз рассмеялся и не мог остановиться довольно долго. – Нет, Стива, мне кажется, нам нужно обсудить детали...
- Я слышу голос уже не мальчика, но мужа, – похвалил его Стива. – Давай ко мне...

Его лишили всех родительских прав. Ему нельзя было ни видаться с ребёнком, ни поддерживать какой-либо контакт. За всем этим виделась твёрдая рука тестя – того самого, который отрёкся от своей дочери годом ранее.

Был ещё один интересный эпизод, нечёткий как старая фотография: мальши в пёстрой вязаной шапочке гуляют перед девятиэтажным домом. Пьяный дядя подходит к мальши. Мальши, увидев пьяного дядю, начинает плакать и кричать...

А из дома появляется дедушка и так сильно стучит пьяному дяде по голове, что тот не выдерживает и падает на землю.

Джазу сделали предупреждение. Как если бы показали красную карточку в футбольном матче...

– Ни пуха, – лаконично сказал ему Боря и уехал на своём стареньком «Жигулёнке». Джаз посмотрел по сторонам и, игнорируя пешеходные дорожки, прямо по сухой траве устремился в глубину парка. Была половина девятого утра. Джаз чувствовал себя возбужденно, вместе с тем, сильно нервничал, ему по-прежнему казалось, что всё прошло уж слишком гладко.

Она снизошла до того, чтобы дать ему один раз увидеться с сыном. Он не собирался ничего делать, ни глупого, ни разумного, так как за прошедшую ночь дошёл до состояния, которое называется «хоть верёвки вей». Джаз усмехнулся и без труда нашёл сквер, о котором Стива так долго рассказывал ему накануне.

Докурив первую сигарету, Джаз прикурил от неё вторую. Вторую сигарету он докурив до фильтра, обжёг пальцы и губы. Напугал едва ли не до смерти старушку банальным вопросом о времени.

Джаз нервничал.

Он не хотел закончить свою жизнь так, как закончил её Серега; вместе с тем, он не хотел строить семейную жизнь на деньги родителей жены. А в этой стране самостоятельной семье места не было.

На заводе, сразу за парком, загудел гудок – ровно десять. Сквер остался без изменений, здесь была только осень и Джаз. Это обман, мелькнуло у него в голове, ты ведь поверил ей на слово, Стива? Не взяв никаких письменных обязательств? Если бы она назначила свидание на Луне, Джаз без труда добрался бы туда в течении одной ночи. Так что парк – не самый худший вариант... Стива, почему ты не взял... А может она где-то рядом, сидит и смеётся?

Джаз испуганно завертел головой по сторонам. Ага, вон она, в маскхалате за кустом шиповника, а рядом с нею ее чокнутый папаша...

И тут произошло чудо.

Прямо перед Джазом, на дорожке, появился мальчик лет пяти в пёстрой, ярко-синей курточке, в красной, с помпоном, шапочке и подвязанный в тон шапочке шарфом. Мальчик обернулся в ту сторону, откуда он появился и наклонился к небольшой лужице у бордюра. Послышался женский приятный голос:

– Женя, отойди от лужи...

Каким-то невероятным усилием Джазу всё же удалось встать в полный рост и сделать четыре, невероятно больших шага. Не он приблизился к малышу, как ему казалось, а его сын приблизился к нему. Из памяти выплыл тот самый эпизод, и Джаз подумал: сейчас он увидит меня, заплачет и убежит. Джаз испугался.

Мальчик Женя обернулся и увидел большого и взрослого мужчину. Он не испугался. Ни капельки. Ему казалось, что этот большой высокий дядя сам боится чего-то.

Тогда Джаз присел и протянул ему ладонь. Малыш посмотрел куда-то в сторону и только после протянул ему свою в ответ.

– Привет, – произнёс Джаз.

– Привет, – ответил малыш, удивительно четко выговаривая слова.

– Как твои дела? – спросил Джаз, просто потому что надо было что-то спрашивать.

– Хорошо, – ответил малыш.

После этого он вырвал руку из ладони Джаза и побежал на небольшую детскую площадку на противоположной стороне от того места, где сидел в ожидании Джаз.

– Джаз, – прозвучало в остановившемся на октябре пространстве.

Джаз обернулся.

– Привет, Ксения, – буква «с» получилась у него несколько длиннее, чем требовалось. Так он произносил её имя всегда.

Стройная, не склонная к полноте фигура. Длинные прямые каштановые волосы. Глаза цвета пасмурного неба полные какой-то доброй иронии. Победительница двух институтских конкурсов красоты. Его бывшая, сначала девушка, потом жена. Человек, искренне веривший в то, что его, Джаза, можно переделать в лучшую сторону.

– Ты по-прежнему пьёшь, Джаз? – спросила она мягким и ровным голосом.

– Есть что предложить? – отозвался он. На Ксению он смотрел не больше минуты, вновь повернулся в сторону детской площадки, наблюдая как Женя штурмует висащие на цепи качели. С корточек, однако, Джаз не встал.

Девушка рассмеялась удивительно мелодичным смехом, приблизилась, остановилась рядом с Джазом. Ему хотелось подойти и помочь своему сыну раскачать качели так, чтобы ребёнок коснулся небес, но какая-то часть говорила ему, что он не имеет на это право. Смотреть – сколько хочешь, помогать – нет.

Джаз почувствовал, как Ксения поправляет его причёску и встал, как можно менее резко.

– Что ты ему обо мне рассказывала? – спросил он, не поворачивая головы.

– О тебе не надо ничего рассказывать, Джаз, – ответила она. – Ты сам – как тяжелый и грустный рассказ... И ты сам его написал.

– Значит, он не знает, кто я такой?

– Нет, – сказала она. – И не узнает никогда. Извини, но я...

– Я понимаю, – перебил её Джаз. – Когда можно будет увидеть его вновь?

Девушка вздохнула.

– Никогда, – произнесла она, и слово прозвучало в воздухе как свист опускающегося топора. Джаз быстро перевёл взгляд на неё.

– Как это?

– Мы уезжаем, Джаз, – сказала Ксения. – Уезжаем туда, где можно прожить нормальной, полноценной жизнью.

Джаз вновь посмотрел на ребёнка. На своего ребёнка.

– Ты оставишь мне адрес? – проговорил он. – Номер телефона?

Она невесело улыбнулась:

– Чтобы однажды увидеть тебя на пороге своего дома?

– Нет, – Джаз помотал головой из стороны в сторону. – Я обещаю...

Ксения посмотрела ему в глаза, всё так же улыбаясь. Что-то общее всё же было между этими тремя людьми, оказавшимся в одно время в осеннем городском парке, какая-то неуловимая гармония. Это называлось...

Вернувшись домой, Джаз снял плащ, разулся, поставил перед раскрытым окном самый скрипучий стул и, закинув ноги на подоконник, устался в разгоравшийся золотой листвою осенний день. Чуть позже он обнаружил забытую им кучу детских сладостей на кухонном столе. Когда и где он это приобрёл – Джаз вспомнить не смог...

август, 1992 год

Вторая причина

Мягкая офисная мебель раздражала, раздражал большущий письменный адвокатский стол, сделанный из пластика, раздражало обилие канцелярских мелочей на поверхности стола и это хитрое устройство, сделанное из пластмассовых планок, висящее на окне, названное слащавым иностранным словом – жалюзи. Пальцы сжимались в кулаки, под скрип зубов выступали желваки на скулах, но Андрей знал, что причина его раздражения, незаметно переходящего в злость, отнюдь не в обстановке адвокатского кабинета, располагающего к продолжительной продуктивной беседе.

Адвокат – в миру его называли Стивой – смотрелся здесь почти смешно. Полный, краснощекий мужчина двадцати восьми лет, пытающийся изгнать из глубины своих глаз вину. Смешным он был только для Андрея, знавшего адвоката ещё со студенческой скамьи. Ты виновен, Стива, подумал Андрей, на этот раз виновен *ты* и защищать ты будешь сегодня самого себя.

Однако оттого что в этом кабинете сидел именно Стива, оттого что он был таким родным и близким, оттого что Андрей называл его Стивой, не Костиком, и уж конечно не Константином Дмитриевичем, именно поэтому раздражение не могло перерасти в злость.

– Сколько ей лет? – бесконечно устало спросил Андрей, не глядя на Стиву.

Тот почувствовал, что его последний за этот день клиент не собирается разносить офис на зубочистки, глубоко вздохнул, сложил пальцы в замок и, подняв глаза к потолку, протянул:

– Ну-у-у... Универ она закончила в прошлом... нет, в позапрошлом...

– Она училась в универе? – перебил его Андрей.

– Ну конечно! – воскликнул Стива чересчур восторженно для искренности. – Откуда она бы тебя знала?

– От верблюда, – сказал Андрей. Он поднялся со своего места, – стулья в таких офисах обычно не скрипят, – подошёл к окну. Безликий пасмурный Город открылся ему, прячась за безукоризненно чистым панорамным стеклом. Внезапно Андрей широкими шагами приблизился к адвокатскому столу, наклонился к Стиве – тому стоило труда не отпрянуть к стене.

– Зачем ей это, Стива? – негромко, но потому весомо проговорил Андрей. – И почему она пришла именно к тебе?

– Мы знакомы, – обронил адвокат.

– Рад вашему знакомству, – отозвался Андрей.

– Давно, – продолжал Стива.

– Мг, – кивнул Андрей. – Я так полагаю, дружба с песочницы?

– Как вам будет угодно, – бесстрастно произнёс Стива. – Если ты вернёшься на своё место, я расскажу тебе всё остальное.

Андрей на свой место вернулся не сразу, это было не в его правилах, держал ещё некоторое время адвоката в кресле своим взглядом.

– Ну, во-первых, – начал Стива, как только Андрей устроился на стуле, – это великолепная возможность привязать к себе мужика...

– Что? – искренне удивился Андрей. Стива вздохнул, но повторять ничего не стал.

– Во-первых, Стива, это яркий признак безумия, – сказал Андрей.

– Ну, это субъективно, – пробормотал адвокат. – Она не чокнутая.

– Тебе придется это доказывать.

– Моего слова тебе недостаточно? – вроде бы обиделся Стива.

– В таком... – Андрей замялся, не найдя подходящего слова, – раскладе ничье слово не может быть достаточным. Из всего услышанного и увиденного я могу сделать следующие выводы...

– Само внимание, – заверил его адвокат.

– Она, или чокнутая, как мартовский заяц, или...

Андрей вдруг запнулся, нахмурился, вновь уставился за окно, замер, как будто актер в стоп-кадре.

– Или – что? – невинно поинтересовался Стива. Андрей вздрогнул при звучании его голоса, повернул голову и посмотрел на адвоката так, словно увидел его впервые в жизни.

– А что «во-вторых», Стива? – спросил Андрей...

Всё началось с места работы Андрей и продолжилось в офисе адвоката, Константина Дмитриевича. Преуспевающего адвоката, надо заметить. По специальности Андрей был филологом, но преуспевающим филологом его нельзя назвать было никак. Тем более что работал он в отрасли весьма далёкой от филологии и гуманитарности, вообще. Андрей опасался со стороны своего босса реплик вроде: «Мужики, а у меня тут деятель один пашет с высшим образованием, пошли, покажу...», но его боссу было абсолютно наплевать, кто у него работает – выпускник университета, или зэк, оттоптавший пят лет общего режима. Работает человек – и работает, много не пьёт, не опаздывает, трудолюбив, ответственен. Что ещё нужно требовательному начальнику?

Коллеги по работе изредка бросали Андрею вслед многозначительные взгляды, слишком уж интеллигентное лицо, раньше таких на фирме не наблюдалось, но потом привыкли и взгляды бросать перестали. Тем более что работа происходила не на фирме. Они производили ремонт квартир: обои – твёрдые, жидкие и газообразные, накладные потолки, пластиковые оконные рамы и сантехника, пол-паркет, линолеум, обивка деревом, покраска стен, – в общем, найти Андрея на фирме было практически невозможно.

Прежде он работал в паре с парнем ненамного старше себя по имени Юра. Воспоминание об этом партнёре вызвали у Андрея судороги на лице, как при скрипе железа контактирующего со стеклом и конвульсивное сокращение мышц всех частей тела. Юра был глуп, ленив, и – это самое страшное – болтлив. Как какая-нибудь провинциальная радиостанция на волне FM. Он болтал без умолку, – про футбол-хоккей, волейбол, женщин, мужчин, детей, кино, телевидение, дискотеки, казино. Юра был абсолютным специалистом в любой области. Он даже в филологии разбирался, – узнав это, Андрей не выдержал, выложил боссу некоторые соображения относительно несовпадения характеров у двух выявленных особей.

Босс – мужик лет сорока в кожаной куртке местами протёртой едва ли не до дыр, с вечной щетиной на лице – выслушал Андрея очень внимательно, ничего не сказал, но на следующий день Андрей работал в паре с нескладным мужичком, которого все называли Лукич. После Юры это было манной небесной, к тому же Лукич чуть ли не с пелёнок работал на стройке.

Они объявились вдвоём с Лукичем на фирме – это называлось «прийти на наряд», на самом деле, просто для того чтобы отметить – расписаться в толстом гроссбухе секретарши Нели под аккомпанемент её глупенькой улыбки, и отправлялись «на объект», как говорил Лукич. Когда Андрей уже отложил шариковую ручку в сторону, отвесил дежурный комплимент Неле и развернулся по направлению к двери, секретарша пропела:

– Андрюша, а вам звонили...

Она была немногим старше его, но называла на «вы» всех, от уборщиц до шефа. Непонятно, почему Андрей обратил на это внимание только теперь, может быть, потому что раньше их беседы не были продолжительными и продуктивными.

– Кто? – спросил он.

Неля вдруг засуетилась, начал рыться в своих настольных бумагах. Ревнует, что ли, отвлеченно подумал Андрей.

– Какая-то девушка, она не представилась, – прощebetала Неля. – Обещала перезвонить... Позже...

– Но ведь меня здесь не будет, – сказал Андрей. Кто мог позвонить сюда в половине восьмого утра?

– Я передам, если что будет нужно, – сказала она негромко, как будто приглашала к себе домой.

– Буду вам обязан, – ответил Андрей.

Это было начало. Нет ничего удивительного в том, что он не придавал этому никакого значения, потому что, приехав «на объект», они обнаружили, что материал есть, но нет клея, нужно или ждать клей, или ехать самому, или ждать хозяина, а если не ехать, и заняться сан-техникой, половины инструментов всё равно не хватает, но Лукич может сделать всё вообще без инструментов и, если хозяин не появится до обеда то...

Насыщенный, плодотворный день для филолога!

– Стива, давай посмотрим на это объективно, – сказал Андрей, – ты же это любишь.

– Давай, – с готовностью отозвался адвокат, устраиваясь на небольшом диване. В руках у них дымились чашки с кофе. Кофе приготовил Стива, потому что секретарша уже ушла.

– В стране разруха, – произнёс Андрей.

– Угу, – согласился Стива.

– Шахтёры стучат касками...

– Угу.

– Зарплату нигде не платят...

– Угу.

– Фабрики заводы закрываются ежедневно пачками...

– Угу.

– Уровень жизни понизился до невозможного...

– Угу.

– Что – «угу»?! – взорвался Андрей, расплескав кофе. – На кой черт ей это нужно? Деньги девать некуда?

– Ты знаешь хоть одного выпускника универа, которому некуда девать деньги? – поинтересовался Стива.

– Знаю, – рявкнул Андрей, платком вытирая ладонь, залитую кофе.

– Вот как, – произнёс Стива. – И кто же это?

– Ты.

– Действительно, – пробормотал адвокат, – Про себя я как-то забыл...

Вечером того же дня к нему домой пришёл Джаз. Андрей не видел его давно, трезвым – наверное, вообще никогда не видел. Хотя нет, на первом курсе Джаз, кажется, был почти святым. Или на втором?..

Андрей жил с родителями, его мать уже прошла стадию, во время которой всеми силами пыталась женить сына на порядочной девушке, но контролировать контакты Андрея с гостями не перестала, лицо её выглядывало из-за плеча Андрея, он был довольно высокого роста.

Джаз не поздоровался с ней, возился со шнурками своих ботинок, потому что впечатление у матери Андрея о нём сложилось неблагоприятное.

Как всегда, Джаз был немногословен и хмур. Андрей отвык от его скверной дикции, это лишний раз напомнило ему, что виделись они давно.

– Что? – переспросил Андрей, и Джаз тут же вцепился взглядом в его лицо, искал насмешки, или издевательства. Не нашёл.

– Подежурь сегодня в офисе, – повторил он. – С семи до семи. Тебя там знают, проблем не будет...

– А ты почему не можешь? – спросил Андрей.

– Стрела у меня, – Джаз не прятал взгляда, но Андрей был непреклонен и проницателен.
– Ага, – кивнул он. – Вон, матери моей расскажи – она поверит. Кому ты лапшу на уши вешаешь?

Джаз глубоко вздохнул, зажал ладони между коленями.

– Я уезжаю, – коротко пояснил он. – Ненадолго... А потом надолго...

Впервые, не за долгие годы, а вообще впервые, Андрей увидел, как засветились глаза Джаза.

– У вас компюцер в офисе есть? – спросил Андрей.

– Есть, – кивнул Джаз. – И игры есть. Не соскучишься!..

Чем занимается контора, в которой работал Джаз, Андрей так и не понял. К утру ему было глубоко на это наплевать, – спал на стульях, одетым, потому что к утру резко похолодало, умылся под краном и на работу пришёл с нечищеными зубами, а впереди ждал новый трудовой день, а тело ломило от недосыпания.

Лукич решил, что он с бодуна, предложил купить лекарство, Андрей отказался, боялся активного продолжения, это было чревато потерей нынешнего партнёра и возвращения Юры. Неля о новых звонках не сообщила, о старом не вспомнила, даже глаз на него не подняла...

Всё же к обеду ему удалось почувствовать себя человеком настолько, чтобы подумать: а как Джаз собирается рассчитывать с ним за ночное дежурство, если он уехал? Он уехал не насовсем. А потом насовсем, – расслабься. Я пытаюсь, сказал сам себе Андрей.

Когда-то давно, много миллионов лет назад, на традиционной студенческой пьянке в общаге Стива, едва держащийся на ногах сказал ему: «Ты такой вот добрый, отзывчивый, с большим сердцем и душой, на самом деле делаешь всё это из жалости к нам убогим, боишься, что сядем тебе на шею, свесим ноги, – и всё равно делаешь всё, о чём тебя не попросят. Если бы ты был девушкой, Андрюша, то очень быстро стал бы шлюхой, потому что не смог бы отказать никому... из жалости к нам, мужикам...»

Он бегал тогда за Стивой по всей общаге, будущий адвокат проявил удивительную сноровку для своего состояния, всё-таки Андрей загнал его в тупик коридора на каком-то этаже, но сделать с ним ничего не смог, двинул кулаком в плечо и пошёл назад... Потому что Стива был прав. Жалко было их всех, дураков...

Оказалось, что окна открытыми они оставили зря: утренняя сырость пропитала древесину, пришлось везти её в сушилку, потянули спички, выпало ехать Лукичу, Андрей остался «на объекте», стоял перед раскрытым настежь окном. Там, за стеклянной преградой, моросил противный октябрьский дождь, невидимый глазу, но ощутимый для кожи. Андрей подбрасывал вверх молоток, вращая в воздухе причудливой траекторией, он возвращался в его кисть, рукоятка звонко шлепалась о ладонь. Процесс, требующий определённого навыка и таланта.

Да, ему было жалко их всех. Но Андрею не хотелось думать, будто делает всё это он из жалости. Он идёт навстречу, помогает, чем может – из жалости? Не много ли жалости для одного человека? Очередная форма мании величия – я добрее всех вас, пользуйтесь моей добротой. Не самая тяжёлая форма. Стива, например, бесплатно вообще ничего не делает, ни из жалости, ни по доброте своей душевной. Может быть, именно потому добился чего-то за столь короткий срок – как же, практикующий адвокат! После насыщенного периода обучения все теряли друг друга из виду, но его, Андрея, почему-то находили всегда. Нашёл Джаз, не поинтересовался даже, как у него идут дела, не рассказал, как идут дела у него самого, без предисловий вытащил из него эту самую жалость, наступил на неё ногой так, чтобы задыхаться стала...

Молоток, описав очередную плавную траекторию, опустился уже не в его ладонь, а на пол, щедро усыпанный стружкой и обрезками обоев. Андрей устремился к окну, смотрел, высунувшись наружу, в глубину двора, пристально рассматривал фигуру под большим чёрным зонтом, стоящую на асфальтированной дорожке по диагонали пересекавшей территорию ограниченную четырьмя домами. Фигура была одинока, ни единого человека не было больше вокруг, кто-

то, стоящий под зонтом, смотрел на него, так же пристально, как и он сам – Андрей чувствовал это. Почти сразу же промелькнуло воспоминание о вчерашнем звонке, подсознание связало воедино телефонный звонок и стоявшего под зонтом человека. Рассмотреть что-либо на таком расстоянии было практически невозможно, однако Андрей был уверен, что это – девушка, что он знает её, и она знает его.

Можно было крикнуть через весь двор, позвать её, что ли, но тогда иллюзия могла рассеяться, потеряется тот невидимый контакт, который связывает их сейчас. Кто ты, пронеслось у него в голове, откуда ты и зачем пришла? Молчаливый ответ стоял под мелким дождём, белел правильный овал лица укрытый зонтом. Неужели тебе тоже что-то нужно от меня, спрашивал Андрей. А в следующую секунду в квартиру, опустошённую ремонтом, с грохотом вломился Лукич с криком:

– ... твою мать, Андрюха, ты в уши тут долбишься, или чё?!!!

И пока он спускался вниз вместе с Лукичем, пока вернулся с партией высушенного леса и вновь кинулся к оконному пролёту двор оказался пуст. На этот раз – совершенно...

– Стива, ты сводник, – устало произнёс Андрей. – Ты повторяешь ошибки моей матери...

– Боже, какая прекрасная у тебя, должно быть мать! – с чувством воскликнул Стива.

– А насчёт сводника ты согласен? – быстро проговорил Андрей. Стива ответил не сразу. Он вообще сделал вид, будто не расслышал вопроса, сидел, уставившись в стену с умным видом, толстый живот поднимался-опускался в такт дыханию.

– Нет, не согласен, – сказал, наконец, адвокат.

– Отчего же?

– Я не распева! ей о тебе дифирамбов, – рассудительно сказал Стива. – И тебе о ней – также...

– Как же ты додумался... – начал Андрей, но Стива перебил его, недослушав.

– Я ошибся, – сказал адвокат, скорее самому себе, чем Андрею. – Я думал, что знаю тебя более чем хорошо... – он повернул голову к своему позднему посетителю. – Ты по-прежнему чувствуешь жалость ко всем нам, убогим?

Андрей промолчал, скривился на секунду, как будто съел внушительную часть свежена-резанного лимона.

– Чу-у-увствуешь, – удовлетворённо протянул Стива. – Вот тебе урок за всю твою жалость. Ты ведь не сможешь ей отказать.

– Ещё посмотрим, – упрямо произнёс Андрей. – Ты сам сказал, что не знаешь меня хорошо.

– Не знаю, – согласился Стива, – но сказать ей «нет» у тебя не получится, даже если ты сильно этого захочешь. Может быть только из принципа.

– Вот именно, – с многообещающей улыбкой произнёс Андрей...

– Привет.

– Привет, – сказал Вадик. Выглядел он очень плохо: какой-то нервный, дёрганный, еже-секундно оглядывался по сторонам. Андрею таким вот он очень понравился. Просто глаз раду-ется, святая корова!

– Как дела? – двусмысленным тоном спросил Андрей.

– А то ты не знаешь! – истерически воскликнул Вадик, выпустив из-под контроля свои голосовые связки, и в следующую секунду уже забежали по сторонам его глаза, голова вжалась в плечи...

Вадик женился на преуспевающей предприимчивой девушке. За спиной говорили, что Вадик не женился, а девушка эта самая его на себе женила, как будто приобрела в магазине дорогостоящую, разговаривавшую умными словами игрушку. Умным Вадик был только на сло-

вах. Мало того, что он умудрился изменить жене, которая его одевала и обувала, у него хватило ума сделать это факт достоянием гласности. Он обсудил подробности из ряда вон выходящего события с двумя своими близкими друзьями, а, как говорится, что знают двое, знает и свинья.

Результат – вот он. Стоял перед Андреем, немывтый, небритый, лохматый, сама жалость предстала пред ним в тот чудный дивный вечер под шепот опадающих с каштанов листьев. Вадик хотел ни много, ни мало – получить свои наиболее ценные вещи из их совместной с женой квартиры...

– И как ты думаешь, я смогу это сделать? – удивленно спросил Андрей. – Позвоню в дверь и скажу: «Извини, дорогая, можно мне взять то, что осталось от Вадика?..»

– В квартире никого сейчас нет, – суетливо пробормотал Вадик. – Она свалила в Париж вначале недели...

– Так пойди и возьми всё сам! – ещё более удивлённо воскликнул Андрей.

Вадик испуганно прижал указательный палец к своим губам, оттащил Андрей за рукав куртки в сторону.

– Меня там ждут, – почти прошептал он, предварительно просканировав в миллионный раз прилегающую территорию бульвара Стратонавтов.

– Где? В квартире?..

– Да нет же! – воскликнул Вадик. Андрей стал очередной раз свидетелем приступа паранойи.

– Они сидят снаружи, – заговорил вновь Вадик как можно более внятно, но негромко. – В квартиру она их не пустила.

– Кого?

– Братца своего и ещё какого-то пассажира, – сказал Вадик, и лицо его исказила гримаса как от зубной боли. По бульвару проехала одинокая машина, он вздрогнул, проводил её настороженным взглядом. Андрей вздохнул и сказал:

– Вадик, что тебе от меня нужно?

– Помощи, – честно признался Вадик...

Они жили с женой в обыкновенном пятиэтажном доме-хрущёвке, только с металлической подъездной дверью, домофоном и кондиционерами в каждой квартире. Ключ от подъездной двери подходил к дверям всех подъездов, об этом Андрею сказал Вадик – и не ошибся. Андрей всё надеялся получить вразумительный ответ: почему Вадик сам не проделает всю эту операцию. Тот долго ломался, изворачивался, как мог, но сказать ничего так и не сказал. Да и не нужно было. Андрей и так видел, – боится, вот и весь ответ.

Дальше – через дверь соседнего подъезда опуститься в подвал, Андрей больно ударился о какую-то трубу, наступил на кота, перемазался в паутине и пыли; когда он вылез в нужном подъезде, то уже сильно жалел, что согласился дать втянуть себя в эту авантюру. Но отступить было не в его правилах.

Следил ли действительно кто-то за домом, или это было плодом воспалённого воображения Вадика, Андрей так и не понял. На площадке, во всяком случае, никого не было, в квартире тоже – он позвонил дважды, прежде чем переступить порог чужого разбитого семейного очага. Свет зажигать он стал – на улице было достаточно светло, чтобы найти кипу дисков, компакт-дисков (музыку послушать, сволочь, захотел, мрачно подумал Андрей), бритвенный прибор, несколько книг – он наклонился к корешкам книг, сумерки сгущались слишком быстро. Люстра здесь был величиною с обеденный стол на двенадцать персон, телевизор – со школьную доску, кровать – размером с бадминтонное поле. Чего этому уроду для счастья не хватало? Любви?

В дверь позвонили. Андрей замер в гостиной, с рюкзаком в руке, обернулся через плечо в сторону прихожей. Телеграмма? Он бесшумно подошел к цельному аккуратному куску красного дерева, вскрытого порядочным слоем лака, приложился к глазку. На площадке, переми-

наясь с ноги на ноги, стояли двое людей, широкоплечие, коротко остриженные. Знали, что кто-то наблюдает за ними через глазок, в глазок смотрели не мигая. Как они могли узнать, что я здесь, гадал Андрей без тени страха в душе. Один из стоявших за дверью отдалённо напоминал жену Вадика. Андрей знал его.

Не задавая идиотских вопросов («Кто там? – Сто грамм...»), он с усилием справился с замком. Нараспашку дверь открывать мешало хитрое приспособление, покруче цепочки, в виде какого-то рычага из тугоплавкого металла. То, что Андрей видел в дверном глазке, теперь предстало перед ним живьём, в щели, шириною в ладонь.

– Здравствуй, Андрюша, – зловеще произнёс тот, который стоял ближе к двери.

– Здравствуй, Антоша, – миролюбиво отозвался Андрей.

– Нам можно зайти? – спросил Антоша, вопросительно приподняв скудные брови.

– Я – не хозяин, – сказал Андрей, чем вызвал густое ржание обоих пассажиров

– А где хозяин? – вроде бы безразлично поинтересовался Антоша, отсмеявшись.

– Следующий вопрос, – произнёс Андрей. – Я не собираюсь перед тобой отчитываться.

– Что ты выдрючиваешься? – брезгливо процедил Антон сквозь зубы. – Кто он тебе?

Брат?

– Нет, – Андрей повёл головой из стороны в сторону. – Он пришёл ко мне и попросил помочь.

– Ты всем помогаешь?

– Стараюсь по мере своих возможностей, – сказал Андрей.

– Тогда помоги мне, облегчи мои страдания, – предложил Антоша. – Скажи мне: где эта сука начится. Хочешь, – я тебе денег дам...

– Не хочу, – отказался Андрей. – А помочь я тебе не смогу, потому что Вадик ко мне первым пришёл.

Антоша издевательски зааплодировал.

– Браво, браво... Клёвая рисовка. Ты забыл одну важную вещь, – сказал он.

– Какую? – настала очередь Андрея вопросительно приподнимать бровь.

– Второго выхода из квартиры нету, – очень медленно, словно разговаривая с душевно-больным, проговорил Антоша.

– Людям свойственно ошибаться, – так же медленно отозвался Андрей и захлопнул дверь перед носом Антоши.

Тот действительно ошибся, – второй выход был, Вадик проинструктировал его на это счёт. Квартира располагалась на третьем этаже, выпрыгнуть из окна и разбиться насмерть можно было только при большом желании. Максимум – вывих сустава. Но многолетний тополь, разросшийся прямо напротив окна спальни не давал реализоваться даже такому финалу.

Вниз, на клумбу, непосредственно под окном, полетел рюкзак. В нём что-то треснуло – ерунда, обойдётся Вадик без одного-двух компактов. Дальше было сложнее, – сказалось отсутствие опыта. Андрей слишком сильно разбежался, оттолкнулся ногой от подоконника, завис на мгновение между окном и тополем. А в следующий момент приложился грудью о ствол дерева. Больно...

Повторно встречаться на бульваре Стратонавтов Вадик не захотел, набил другую стрелу, в парке поликлиники. Андрей добрался туда уже затемно, фонари в парке не горели. Прождав минут двадцать под мерно гудящей трансформаторной будкой в чернильной вечерней темноте под медленно угасающим небом, Андрей уже решил, что ошибся, пришёл не к той поликлинике, или же Вадик сам что-то перепутал со страху, но вдруг из-за угла появился тощий силуэт на фоне огней Города и дрожащий шёпотом произнёс:

– Андрюха, это ты?

– Купи себе цветы, – раздражённо отозвался Андрей. Это он мог себе позволить – раздражение. – Я тут уже полчаса стою...

– Я тоже, – сказал Вадик, приблизившись к нему, – только с другой стороны. Ну, как – результативно?

– Более чем, – Андрей ткнул ему в грудь рюкзаком. Свободной рукой он массировал свою собственную грудь поверх джинсовой рубашки, неудачно всё-таки приземлился на тополь. – Антон тебе привет передал...

Услышав это, Вадик перестал рыться в рюкзаке, Андрею показалось, что он чувствует на своём лице его обжигающий взгляд.

– Вы.... беседовали? – осторожно спросил Вадик.

– Ага. Через дверь, – Андрей поморщился, ёлки-палки, как всё-таки болят рёбра!

– А он тебе ничего не говорил? – продолжал допытываться Вадик.

– Говорил! – вспыхнул Андрей. – Сказал, если тебя найдёт, – скальп снимет и вместо талисмана в автомобиль повесит! Вали отсюда, надоели вы мне все, хуже горькой редьки!

Не выдержав, он первым зашагал прочь, наобум прыгал по перекопанной земле, – к будке подводили новый кабель, года два, наверное, если не больше подводили, сволочи, сначала асфальт кладут, потом кабель подводить начинают, или трубы прокладывать!

Было начало десятого. Домой идти не хотелось – не, потому что там его мог ждать Антон, этот уже знает, что ничего от него не добьётся – просто, потому что не хотелось. Хотелось увидеть какие-то нейтральные лица, которые от него ничего не хотят и кому он даром не нужен. Андрей пошёл на Городок.

Был Город и был Городок, маленький развлекательный центр, окружённый студенческими общежитиями, наполненный летними кафе. Лето давно уже кончилось, но кафе – столики и стульчики под зонтиками – продолжали свое существование. Местами под одним зонтиком размещалось человек пятнадцать-двадцать за двумя бутылками колы и мороженым. Сначала официанты прогоняли таких вот посетителей, потом кроме них никого не осталось. Здесь играли в карты, вели длинные умные разговоры, целовались, слушали музыку из полусломанных радиоприёмников, рисовали друг на друге смывающиеся татуировки, курили и продавали траву и «колёса» – здесь жило и наслаждалось жизнью скудное на денежные знаки поколение. Под потрёпанными зонтами, украшенными рекламой, клубилась жизнь, независимая от всего земного, бесполезная и безразличная к событиям вокруг них.

– Привет.

– Привет.

– Привет

– Привет

– Здорово!

– Привет

– О-о-о, какие люди без охраны!

– Привет.

– Хай!

– Привет...

Больше всего Андрей опасался дружеских похлопываний по плечу, но обошлось, им лень было подниматься со своих мест, им лень было обмениваться рукопожатиями, святая корова, куда уж там до похлопываний по плечу! Удивительно бесполезное поколение, бесконечно бес-толковое поколение!

Андрей надолго нигде не останавливался, обменивался парой фраз, потому что там, в самом конце, на невысоком кирпичном турникете, загорелся взгляд голубых глаз, мельком задев его, заставляя обратить на себя внимание.

– Привет.

– Здравствуй, Мэри, – сказал Андрей.

Девушку звали не Мэри, Мариной, но вот ведь привязалось, даже сейчас он называет её только так. Парень, моложе его, догадливый, сполз с турникета, «увидимся», растворился в общей массе. Андрей не спешил занимать его место, стоял перед девушкой, сунув руки в карманы. Как будто отгораживал её от всего остального.

– Ты подстриглась, – сказал он.

– Уже давно, – она махнула рукой, длинные ресницы порхнули в воздухе.

– Как живёшь?

– Нормально.

– А в частности? – усмехнулся Андрей.

– Не для прессы?

– Не для прессы...

– Нормально, – она повторила не только слово, но и интонацию. – Ты как сюда попал?

– Мимо проходил, дай, думаю, зайду...

– М-да... – вновь порхнули ресницы. Как бабочка с голубыми крыльями. – Не с кем разделить вечер?

– Уже разделил, – заверил её Андрей. – С Вадиком...

– А-а-а... Что-нибудь получилось?

– Получилось...

Разговор набирал обороты, как снежный ком, катящийся с горы. Вскоре они уже перебывали друг друга, и вот уже он сидит рядом с нею на турникете...

– Ну почему именно я? – в сотый раз спрашивал Андрей. Стива, сосредоточенно рассматривая носки своих туфель, водруженных на стол, говорил:

– Вон, зеркало в шкафу, встань да посмотри...

Андрей тяжело поднялся с дивана, открыл дверцу. Посмотрел. Ничего особенного: высокий лоб, зелёные глаза, когда щурится – они превращаются в щели, нос с горбинкой – врождённый дефект, губы слишком часто деформируются в грустной улыбке, подбородок ничем особенным не выделяется, силу воли не проявляет. Вот когда сжимаются зубы! Тогда совсем другое дело...

– У меня что, дворянское происхождение? – поинтересовался Андрей, созерцая своё отражение в зеркале.

– Хуже, – сказал Стива. – У тебя по происхождению добрая и открытая душа...

– Настолько открытая, что она пришла ко мне и отмочила такое...

– Именно настолько открытая, – заявил Стива. – ни больше, ни меньше. Между прочим, – она могла попросить и большего...

– Например?

– Напряги башню...

«Башня» как-то не вязалась с теперешним Стивой, словечко из студенческого сленга выпрыгнуло, как швабра из нечаянно открытого чулана.

– Ты – симпатичный молодой человек – продолжал тем временем Стива, – без вредных привычек (он покосился на пепельницу с горой наполненную окурками). Ну, почти без вредных... Порядочный и ответственный. Свободный...

– Вот именно, Стива! – воскликнул Андрей. – Вот именно – свободный! Ни больше, ни меньше!..

Шуршали постельные простыни в темноте, сливались шумные дыхания двух людей, иногда слышался стон, иногда – неразборчивое бормотание или даже смех. Потом, когда за полупрозрачными шторами небо начало набираться светом, всё это закончилось. Обнажённая

стройная девичья фигурка выскользнула из-под одеяла, наполнила спальню обильным теплом, казалось, будто шторы колыхнулись именно от этого тепла, а не от движения воздуха.

Мэри удалилась из комнаты, но остался её запах в постели и вкус её губ на губах Андрея. Он знал, что она вернётся, но чувство одиночества вернулось к нему с ошеломляющей скоростью. Он высунул голову со всколоченными влажными волосами. На груди лежать было больно, он перевернулся на спину, уставился в потолок, раскинув руки в стороны. Я – птица, думал он, полетели со мною, Мэри...

– Ну и пылища, – сказала девушка, вновь появившись спальне. – Лет сто, наверное, не убирали...

Она взяла с невысокого пуфика его рубашку и проворно натянула её на себя, устроилась на краешке постели, грациозно сложив длинные стройные ноги...

Когда-то давно, много миллионов лет назад это было постоянно. Вот так вот она сидела на краю постели, только в своём собственном халате; Мэри жила с ним, убирала в квартире, которую снимали они вместе, готовила ему обеды, гладила его рубашки. Они жили вдвоём, и тогда казалось, что это будет бесконечно.

Это было естественно и понятно, – двое молодых людей живут вместе, снимают квартиру, делят ванную, кухню, туалет и спальню. Мечтают – в основном о маленьком человечке. Марина уставала от его подсознательного стремления быть полезным и нужным кому-то кроме неё. «Ты нужен мне, – говорила она. – Этого тебе мало?...» Говорила иногда со слезами, иногда раздраженно и зло, иногда полуприкрыв от утомления глаза. Она пыталась отучить его от этой дурной привычки не менее дурацкими способами, но Мэри не выдержала, когда одна из их общих знакомых подруг пришла к ним в их квартиру, которую снимали они вместе, с просьбой переночевать. Марины не было в тот день в Городе, Андрей не смог отказать их общей знакомой, в результате всю ночь слушал однозначные стоны за стенкой, а потом...

...Потом их общая знакомая наплела всем своим знакомым бесконечное множество «лживых подробностей», как любил говорить Стива, ещё один их общий знакомый. Мэри оставила его, хотя знала, что подробности действительно лживые. В их квартиру пришло общественное мнение и увело у Андрея девушку с мохнатыми ресницами и синими глазами.

Вот так...

– Мэри, я хочу видеть тебя сегодня вечером, – хрипло произнёс Андрей, невидяще пялясь в пасмурное октябрьское небо за окном.

Марина, склонившись к запylённому зеркалу, красила губы.

– Я хочу видеть тебя завтра утром, – продолжал Андрей, несмотря на ее нулевую реакцию. – Я хочу видеть тебя всегда...

Девушка бросила помаду в сумочку, звонко щёлкнула замком, подошла к нему, сидящему на пуфике, поладила по густым волосам.

– Я знаю, Андрюша, я всё это прекрасно знаю, – ласково произнесла она, – но сегодня вечером, завтра утром – может быть, почему нет? Но всегда... Кто знает, может быть, уже послезавтра к тебе придёт кто-нибудь из знакомых, а отказать им ты не сможешь...

– Смогу, – сказал Андрей и смутился, до того это прозвучало по-детски наивно и бестолково.

– Не сможешь, – с бесконечной печалью сказала Мэри...

Хорошим адвокатом был Стива, или плохим – Андрей не знал. Никогда ещё не приходилось обращаться к Стиве за услугами адвоката. Вот кольца из сигаретного дыма пускать – это у Стивы получалось на «ура». Идеально и прочно, похожие друг на друга, как близнецы, без колебаний они плыли вертикально над столом Стивы, рождённые хорошо рассчитанным дыханием...

Заворожено наблюдая за лидирующим кольцом, медленно разраставшимся, теряющим плотность, Андрей спросил:

– Стива, а кто тебе сказал, что я сейчас свободен?

Усмешкой адвокат вытолкнул из лёгких остатки дыма, с улыбкой на лице потушил почти половину сигареты в пепельнице.

– Что, Мэри опять в постель затащить удалось? – шурясь, как кот, проговорил он.

Андрей грязно выругался, что в шикарном кабинете прозвучало почти святотатством.

– Оставь её в покое, мой друг, – продолжал Стива. – Она-то уж к тебе точно не придёт с такой просьбой.

– Потому я и не даю ей покоя, – мрачно произнёс Андрей...

К обеденному перерыву выяснилось, что у него болит уже не только грудная клетка – всё тело ломило, как всегда после активных упражнений в чужой постели. У Андрея не получалось быть пассивным с Мери, с нею невозможно быть пассивным, именно вот так, наброситься на неё, едва только хлопнет дверь квартиры, ключи от которой одолжил у приятеля, стаскивать с неё одежду, одновременно слившись с нею губами и чувствовать, как она снимает с него рубашку через голову, не глядя найти дорогу в спальню, не зажигая света упасть вдвоём на покрывало...

Видя, как его коллега морщится при каждом движении, Лукич, как всегда, сделал неправильные выводы, предложил сбегать за лекарством, Андрей автоматически отказался, даже не задумался над предложением, потому что на самом деле ему больше всего хотелось напиться до состояния древесины, когда и свои и чужие проблемы становятся изображением на засвеченной плёнке.

Но этого ему хотелось в обеденный перерыв, а после работы, когда он на негнувшихся ногах шагал по коридору фирмы, ему уже ничего не хотелось. Неля разговаривала с кем-то по телефону, игнорируя их обоих. На фирме была «комната для персонала»; туда никто никогда не заходил, кроме уборщицы, там стояли шкафчики для одежды, которыми никто не пользовался, и стояли две скамьи, на которые никто никогда не садился. Андрей сдвинул их вместе, сняв куртку, лег на них лицом к серому потолку почти по стойке «смирно», руки по швам, стопы – в форме буквы «V». Закрыв глаза. Глубоко вздохнул и тут же заснул.

...Ему снилось, будто сидит он в большом аквариуме с телевизором в углу. А там, снаружи – Мэри, стучит ладонями по стеклу, слёзы бегут по красивому лицу, но он не слышит ни стука, ни звука её голоса, потому что снаружи идет проливной дождь, отчего кажется, что Мэри не плачет, это капли дождя бегут по ее лицу, белыми пятнами прижаты ладони к стеклу, а телевизор передаёт программу о случаях интоксикации у беременных женщин...

Андрей проснулся так же внезапно, как и заснул. Он долго смотрел в потолок, гадая, где же это он очутился. Затем сознание, медленно впуская в себя время, пояснило ему: ты проснулся не сам, тебя разбудили; тут же в поле зрения всплыло настороженная круглая мордочка Юры. Андрей испугался. Ему показалось, что он проспал здесь всю ночь, босс пересмотрел своё решение и сегодня Андрею придётся работать в паре с классическим болтуном. Это было хуже понижения зарплаты, потому Андрей вскочил с лавок, провёл ладонями по лицу – всё ли на месте.

– Что?! – выпалил он.

Юра, отойдя на безопасное расстояние, сказал:

– К тебе девушка пришла...

«Мэри», – мелькнуло в голове Андрея. Странно, она ведь, кажется, не знает, где он работает.

– Высокая? С короткой стрижкой? – спросил он на всякий случай. Юра нахмурился, повёл головой из стороны в сторону.

– Не-е-ет. – протянул он. – Всё неправильно. Среднего роста, волосы длинные – вот по сюда...

– Красивая хоть? – с отчаянием в голосе простонал Андрей.

– Че ты страдаешь? – удивился Юра. – Часто к тебе, что ли, девушки сюда приходят?

– Ладно, скажи: я сейчас приду, – Андрей сумел всё-таки дотянуться до бывшего партнёра, похлопал его по плечу.

Красивая, некрасивая – надо было выглядеть подобающим образом. В раздевалке был кран; Андрей умылся холодной водой, пригладил волосы, вытер какой-то ветошью туфли, посмотрел на себя в зеркало, пожал плечами...

В коридоре народу было видимо-невидимо: конец рабочего дня, кто отмечаться пришёл, кто насчёт ремонта договориться. Время от времени мелькал озабоченный босс, мазнул по Андрею взглядом, ничего не сказал. Кто же на самом деле пришел к Андрею, понять было трудно, – хоть и мало девушек было из всех присутствующих, но всё же были с длинными – вот по сюда – волосами – ни одной. В вестибюле, догадался Андрей, и, лавируя между людских тел, пересёк коридор.

Он не ошибся.

Учитывая неожиданные последствия этой встречи, позже он попытался вспомнить чувства, посетившие его во время первой оценки. Мы знакомы, мелькнуло у него в голове. И тут же – мы незнакомы, просто есть люди с такой внешностью, кажется, будто знаешь их всю жизнь. Это она стояла накануне под зонтом, там, перед домом с «объектом», на большущем дворе, на тротуаре, диагональю пересекающим это двор. Это не она стояла под зонтом, там...

– Добрый вечер, – произнёс Андрей и мысленно выругался, банальное приветствие прозвучало на редкость настороженно. Может быть, учились вместе? Да нет, кажется.

– Привет, – ответила девушка приятным, почти детским голосом, отчего он так и не смог понять, сколько ей лет. И как только она произнесла одно-единственное слово, Андрей почувствовал какое-то странное успокоение, как перед гипнозом: вы спокойны и расслаблены, мускулы тела не напряжены, дыхание ровное и глубокое... Она была на полголовы ниже Андрея, черные, как ночь волосы, плавно падали за плечи, чёлка кокетливым овалом обрамляла лоб, брови плавной дугой очертили глаза: один синий, другой – зелёный, что ещё сильнее придавало ей сходство с ребёнком. Губы – лёгкая полуулыбка. И зонт – большой чёрный зонт в руках. Это она стояла под зонтом, там...

– Нам нужно поговорить? – предположил Андрей.

– Да, – кивнула девушка. – А можно... не здесь?

А где, хотел спросить он, но вернулся с небес на землю, подумал немного.

– Там, через дорогу есть кафе...

«Через дорогу» – слабо сказано. Здесь была объездная линия с очень напряжённым движением. Пока они пересекали эту дорогу, действуя с ловкостью бойца спецназа, автомобили сновали вокруг них на страшной скорости, лишая их возможности обменяться одной-двумя фразами. Получив некоторое время на размышление, Андрей поставил на их столик – в самом углу – две чашки кофе и уверенно заявил – именно заявил, а не спросил:

– Мы знакомы.

– Да, – кивнула девушка, и полуулыбка превратилась в улыбку, очень её красящую.

– Универ? – теперь уже вопросительно.

– Да, – так же улыбаясь, кивнула она. Вот если сейчас он вспомнит её имя – это будет чудо. Ну, ну, ну как же...

– Меня зовут Оля, – произнесла девушка, видимо, расшифровав сомнение на его лице. Андрей смутился, перестал упираться локтями в поверхность стола, откинулся на спинку пластикового стула. Еще он успел удивиться – куда подевались все тучи? С утра небо застилала пасмурная пелена, а тут, как по заказу выглянуло солнце... Странно. Однако заставить себя

поверить в то, что солнце выглянуло с появлением девушки Оли с разноцветными глазами, Андрей не сумел.

Они действительно были знакомы. Участвовали в бесчисленных студенческих вечеринках в общежитии, ходили по одним и тем же коридорам девяти корпусов Университета, давали на подпись зачетки одним и тем же преподавателям...

– Помнишь день студента? – спрашивала Оля. – Ты тогда был на третьем курсе...

Он хмурил лоб, кивал как можно увереннее. Ему хотелось смотреть на неё...

– Ты сидел, переставлял кассеты в магнитофоне...

– А магнитофон доживал свои последние дни, – продолжал он, и она кивала, улыбаясь, но это был безошибочный выстрел, потому что на других магнитофонах дискотеки в общежитиях не крутят.

– Мы сидели вместе на ящике из-под шоколада, – слово «шоколад» прозвучало как действительно иностранное слово. – Я подкуривала тебе сигареты, одну за другой. Ещё удивлялась – как можно столько много курить?

– Тогда можно было, – отвечал он.

Кофе стоял нетронутым.

Они вспомнили, как Жора Налимов вышел на КВН-е в женском раздельном купальнике, как горел весь второй этаж общежития номер четыре, – Оля, оказывается в нём жила, – как застучали на обнажённой студентке декана Строева и он пытался доказать, будто демонстрировал искусственное дыхание «рот в рот».

Но чем дальше шли минуты, тем воспоминания находились реже и реже. К своему удивлению, Андрей обнаружил, что он огорчён тем, что ему больше нечего вспомнить с этой девушкой. Казалось то, что он проучился пять лет в Университете, Оля была где-то рядом, а он не заметил её, – это пошло ему в ущерб. Просто она не нуждалась в его помощи, а может, и нуждалась, но гордость не позволила ей обратиться именно к нему, на помощь пришёл кто-то другой – ты всё ещё жалеешь о чём-то? Да, он жалел, хотя часто повторял, что ни о чём в этой жизни не жалеет...

Подожди, может, она пришла за помощью именно сейчас, шепнул ему внутренний голос. Андрей согласился с ним – действительно, не для воспоминаний же она к нему пришла, в конце концов. Он встал и направился за ещё одной порцией кофе. Когда вернулся, то обнаружил, что Оля больше не улыбается, исчезли и улыбка, и полуулыбка. Теперь она была серьёзна, даже строга и отвлечённо вращала зонт, чуть склонив голову набок. Андрей сел напротив, облокотился на стол и в ожидании смотрел на неё. Первым нарушил молчание всё же он.

– Мне кажется, я могу быть чем-то полезен, – Андрей выговорил это с большим усилием, но молчанием становилось невыносимым, только через три столика хохотали две размалеванные подружки, завсегдатайки кафе с идиотским названием «Оскар»...

– ...Ты не пробовал посмотреть на всё это с другой стороны? – спросил вдруг Стива, засовывая тощую стопку документов в сейф.

– То есть?

– Представь себе, что жалость доступна не только тебе, – сказал Стива. – Представь себе, как будто кто-то чувствует жалость по отношению к тебе. Представь себе, что Мэри спит с тобой время от времени, потому что её жалко тебя, дурака, что на работе тебя держат, потому что, если выгнать – ты сгниешь от голода в какой-нибудь канаве... Представь себе, что все, кто приходит к тебе за помощью, делают это только потому, что им жалко тебя, одинокого и убогого...

– Ну ты и сволочь, – убитым голосом проговорил Андрей.

Стива неожиданно хлопнул тяжёлой дверцей сейфа и заорал:

– Я сволочь?! Только потому, что у меня богаче твоего воображение?! Или потому что я прав?!

– Альтруизм – антиквариат в наши дни, – одухотворённо сказал Андрей. Он слишком устал, для того чтобы орать на Стиву и ссориться с ним. К тому же адвокат так же быстро успокоился, как и закипел.

– Жертва из жалости – это не альтруизм, – сказал он. – Решать всё равно тебе самому. Не приставлять же тебе пистолет к голове...

...Где-то рядом с ними раздался непонятный стук – на свободном стуле появился её зонт, она положила его туда, возможно, потому что он мешал, возможно, просто надоел. На девушке было синее приталенное пальто с блестящими пуговицами, сейчас она расстегнула его, и Андрей бессмысленно смотрел на пацифи-ключ, висящий на её шее в качестве талисмана. Он смотрелся несколько странно в сочетании с пальто, но был небольшого размера, Андрею стоило труда разглядеть его.

– Извини, что отвлекаю тебя от размышлений, – сказал он. – У нас, очевидно, есть общий знакомый...

– Как ты догадался? – спросила Оля.

– Ты не смогла бы найти меня без... посторонней помощи...

– Смогла бы, – она должна была улыбнуться, Андрей ждал этого – тщетно. – Может не так быстро... Но нашла бы... Дело вот в чём, Андрей...

Оля перевела на него свой взгляд неожиданно потемневших глаз, заглянула ему в душу, глубоко-о-о-о, насколько это было возможно. Сейчас она признается мне в любви, устало-безразлично подумал Андрей, хотя в любви за всю жизнь ему признавались всего дважды – в школе и в колхозе, на сборе яблок.

– Я хочу родить от тебя ребёнка, – почти пропела Оля, и ему не нужно было ничего переспрашивать.

После этой встречи, едва только выплыло «Стива», с кирпичным выражением на лице Андрей проник в здание, где сидел этот жирный сукин сын. Андрей прошёл мимо охранника, обнаружил, что у этого толстого хрена уже есть секретарша. Еще он обнаружил, что она его не пускает к «Константину Дмитриевичу», он оказывается, занят, но если есть желание, то можно записаться на приём, на следующую неделю.

Не раньше.

Андрей начал орать на неё, секретарша испугалась. Вызвала какой-то потайной кнопкой охранника, вместе с охранником в приёмную заявили ещё человек пятнадцать из той же конторы, Андрей сопротивлялся, и очень широко размахивал руками, появился Стива, объяснил, что всё в порядке, такое поведение для выпускников Университета – вполне естественное явление, тем более – филологический факультет – но всё это было потом...

Под парусиновым зонтом кафе «Оскар», в лучах сюрреалистичного октябрьского солнца Андрей уставился на свою чашку с полуостывшим кофе и принялся помешивать в нём сахар пластиковой ложечкой.

– Мне можно подумать? – не поднимая глаз, спросил он...

– Насколько я понял, ты ей ничего не обещал, – деловито произнёс Стива, уже в лифте.

– Я тут же согласился, – саркастично отозвался Андрей. – Нет, конечно.

– Тут же убежал? – невинно предположил Стива, изогнув бровь.

– Ты всё-таки сволочь, – сказал Андрей. – Она – очень понятливая девушка.

– Я знаю, – пробормотал Стива.

– Поэтому она нацарапала номер своего телефона на салфетке...

– ... и убежала?

– Как тебе будет угодно, – равнодушно произнёс Андрей.

– Если ты не согласишься, – я тебе ещё таких троих подсуну, – пообещал Стива.

Андрей усмехнулся, но видел, что адвокат сказал это совершенно серьёзно. В этот момент кабина остановилась, первым вышел адвокат, – не потому что так привык, просто он был ближе к дверям.

– В случае чего – могу помочь в оформлении, – говорил Стива на пути к своей машине. – Там, претензий не имею, и всё такое прочее...

– Я ещё ничего не решил, – сказал Андрей.

– Когда-нибудь решишь, – уверено произнес адвокат. – Только не пытайся выбрасывать её из головы.

– Ты бы выбросил? – спросил у него Андрей.

– Нет, – ответил Стива. – Но она же не ко мне с этой просьбой пришла.

– А к кому?!

– Я не предлагал ей кандидатур, – сказал Стива. – Она пришла и назвала тебя...

– А какие рекомендации ты ей дашь? – вдруг спросил Андрей.

– Ты же её видел. – Стива пожал плечами. – Какие тебе нужны рекомендации? Могу только добавить, что вы друг друга стоите...

– Долбанный сводник, – проворчал Андрей. Стива вновь пожал плечами, попадая ключом в замок автомобиля.

– Тебя подвезти? – спросил он. Андрей отрицательно покачал головой...

Ты же всегда был готов помочь ближнему своему, говорил он себе, так вот тебе апофеоз твоего мнимого альтруизма. Девушка с разноцветными глазами – ближняя?! Он не помнил, чтобы на какой-то общажной дискотеке кто-то когда-то подкуривал ему сигареты, он не помнил её глаз, а забыть их невозможно, он и сейчас видел их, как будто Оля находилась где-то рядом. Если он согласится, – можно будет оставить память о своей безграничной жалости к людям: он, или она, сначала в пелёнках-ползунках, затем в ярком комбинезоне с рисунком на кармашке, потом в джинсах и футболке, после этого...

Рядом деловито заурчал мотор адвокатского автомобиля. Андрей вздрогнул, как будто очнулся ото сна, постучал костяшками пальцев в боковое стекло. Стива в ожидании смотрел на него.

– Стива, ты мне так и не сказал: а что «во-вторых»? – произнес Андрей.

Адвокат вздохнул, постучал пальцами по рулевому колесу.

– Во-вторых, она хочет, чтобы ты был с ней рядом, – сказал он и добавил после короткой паузы. – Всегда...

– Но она же не меня хочет видеть рядом, а моего ребёнка, – возразил Андрей.

На сей раз Стива проделал целый ряд трюков, от постукивания пальцев, до потягивания с амплитудой на весь салон автомобиля. Он даже прочистил горло, как будто собирался выступать перед присяжными.

– Она убеждена, что ты рядом с ней не будешь никогда, – сказал он, наконец.

– Почему это?

– Столько времени она находилась где-то рядом с тобой, – ты хоть раз её заметил? – Стива испытывающе посмотрел на него.

– Нет, – честно ответил Андрей.

– То-то же, – веско произнёс Стива. – Она не из той команды, где в привычке вешаться на шею... Давай, садись, не выделяйся.

– Спасибо, не хочу, – после минутного раздумья сказал Андрей. Он похлопал ладонью по дверце, улыбаясь, посмотрел на Стиву. – Я, пожалуй, пройдусь...

– Как хочешь...

Адвокат вывел свою машину из длинного ряда автомобилей, Андрей смотрел ему вслед, но руки его шарили в карманах пальто. Ага, вот оно – салфетка оказалась основательно измятой, но телефонный номер разобрать было можно...

октябрь, 1993 год

Большие горо-ДА!

«Дежа вю – явление из разряда неизмеримого: может быть мимолётным, а может и разрушающе-оглушающим...»

Вячеслав Кайдашов, студент факультета социологии Государственного университета имени академика Сахарова

Для следователя милиции Соколов был слишком внимателен, терпелив, предупредителен и тщедушен. Его первый пациент на сегодняшний день, Лёша, был безразличен ко всему тому, что его окружало, и не сумел раскусить нетрадиционного характера следователя милиции; как раскусил – понял, что, до тех пор, пока следователь Соколов представляет перед ним ораны внутренних дел, опасность с этой стороны ему не грозит.

– Она сказала, что заберёт заявление, если ты оставишь её дочь в покое, – сказал Соколов, беспорядочно чередуя карандаш меж своих сжатых пальцев. Задумчиво понаблюдав за этими заворачивающими действиями, Лёша прочистил горло и поинтересовался:

– А если не оставлю?

– Посадят. Я посажу, – уточнил Соколов.

– За что? – удивился Лёша.

– За совращение.

– Светка – совершеннолетняя. Ей уже семнадцать лет...

Соколов вздохнул, прикрыл на секунду уставшие грустные глаза.

– Её мать спит с полковником милиции, – сообщил он, переполненным терпением голо-сом.

– С полковником? – переспросил Лёша; хмурая лоб, попытался припомнить Светкиного отца.

– Не-ет. – убежденно протянул он. – Её мать спит с этим, как его... ВАЛТОРНЕСТОМ! – вдруг выкрикнул Лёша и захохотал, запрокинув голову. Чуть вместе со стулом не упал.

– Замужняя баба может спать не только с мужем, – заметил следователь, и смеяться Лёша перестал. В кабинет к Соколову его привели из камеры предварительного заключения; ночь в КПЗ может заставить поверить в то, что замужние женщины действительно могут спать не только с мужьями, особенно если муж – валторнетист.

– Послушай: ты – здоровый, молодой и умный мужик, – заговорил Соколов. – Зачем тебе всё это нужно?

Если бы на его месте сидел кто-то другой, Лёша не поверил бы в искренность сказанного. Но на месте следователя Соколова сидел следователь Соколов и, к счастью, никто его заменять не собирался.

– Ни фига она мне не сделает, – хмуро заметил Лёша.

Пришла пора удивляться следователям милиции.

– Отчего ж не сделает?

– Это мой Город.

– Что?

– Город, в котором я живу – это мой Город, – повторил Лёша, предвидя реакцию на свои слова. Соколов криво усмехнулся.

– Ты бандит? – спросил он.

– Нет. Я писатель, – ответил Лёша.

– А «крыша» у тебя есть?

– Нет. С полковниками милиции я не сплю, – Лёша стремительно встал со стула. – Я согласен. Давайте заявление...

Он взял со стола серый лист бумаги, исписанный крупным широким почерком. Ладонь с волосатыми пальцами прихлопнула лист к столу.

– Да бросьте, – сказал Лёша. – Это уже стало традицией...

Размахивая заявлением в воздухе, как будто оно недавно было написано чернилами и не успело просохнуть, Лёша шёл по коридору, приветствуя прибывающих на службу сотрудников четырнадцатого отделения милиции. Он имел здесь успех – отнюдь не как писатель.

Распахнув наружную дверь, Лёша выглянул в пасмурное октябрьское утро, дверь тут же захлопнул, подошёл к пуленепробиваемому стеклу, за которым во весь рот зевал дежурный.

– Извините, а другого выхода у вас здесь ещё не сделали? – осведомился Лёша; узнав о неизбежном, вздохнул и вышел на крыльцо.

На лавочке, предусмотрительно постелив газету, его ждала Лена. Бывшая жена. Немного старше Лёши. Когда-то вместе учились – в этом «когда-то» и поженились. Расставив руки в стороны, словно в нелепой мольбе, Лёша сошёл в объятия бывшей жены, сделав скорбное лицо: «Здравствуй, ягодка моя!» Нельзя сказать, что она, сломя голову, бросилась ему навстречу, но обняла в ответ. Лёша подумал, стоит ли хохмить, что-нибудь вроде: «О, у тебя сиськи выросли!», решил, что не стоит.

Лена что-то сказала.

– М?..

– Опять двадцать пять, – повторила она.

– Мг...

В своей памяти Лёша попытался вызвать некий пароль взамен скучного «давным-давно», или «когда-то...»

– Есть хочешь? – спросила Лена.

– Нет, здесь кормят... Мне, вообще-то, на работу пора, – Лёша вздохнул, оторвался от бывшей жены с заметным сожалением, потёр щетину на лице.

Взгляд Лена немедленно остановился на листе бумаги в руках бывшего мужа.

– Что это?

– Стихи, – сказал Лёша, торопливо сунув заявление в карман пальто. – О вечном. Муза посетила в КПЗ. Давай ты меня вечером покормишь – мне сейчас на работу. И стихи заодно почитаю. Если захочешь...

Пожалуй, пасмурное осеннее утро может порадовать лишь того, кто провёл ночь в отделении милиции, – Лёша радовался, радовался как ребёнок. Расставшись с женой, у него вышел «циферблат» – и далее:

...на циферблате лет,
назад, назад я стрелку передвину...

Галя сама виновата. Галя – это сестра Лены, и ещё мать Светы, и ещё жена валторнетиста, который не знает, что его жена спит с полковником милиции. Безбашенная, взбаламошенная баба, по мнению Лёши. Со дня рождения дочери не знала, куда её пристроить – такая деятельная и взбаламошенная Галя. Ничего хорошего в родственниках жены Лёша не видел с самого начала – особенно то, что они живут в одном с ним городе.

Половина всех телефонных звонков принадлежала Гале. Цепкая её рука настигала молодую семью во всех снимаемых ими квартирах. Приз самого частого гостя также доставался ей. Казалось, без её участия солнце не могло самостоятельно подняться над горизонтом – вот за то, что Лёша знал, что это только кажется, Галя его и не любила. Другие-то думали, что так оно и есть на самом деле! Галя – и та в это верила! Разубедилась только, когда узнала, что

муж её младшей сестры переспал с её дочерью, – как хотите, так и разбирайтесь во всем этом бедламе. От таких раскладов у следователя Соколова начинали блестеть глаза и потеть ладони; это не прекратилось даже тогда, когда Лёша на пальцах доказал ему, что кровосмешения во всей этой канители нет и в помине.

Любовь к родной дочери была относительной. С Галей приключилась какая-то история с медицинскими терминами, в которой Лёша мало что понял, ещё меньше запомнил, понял только, что Гале нужно было, или рожать, или сколачивать самой себе деревянный ящик, да покрасивее, чтоб не стыдно было ехать в нём по улицам города в то место, где не суетятся, не дышат, и уж подавно не подают заявлений в милицию

Сильно развернёшься при таком выборе?

Оказалось – сильно. Молодая семья из Лёши и Лены были последней инстанцией, куда Галя могла определить своего ребёнка; с племянницей Лёша познакомился, когда ей было лет девять, может и меньше. Тихая, может быть даже слишком для своего возраста девочка, сидела, молча смотрела большими карими глазами на старания Лёши за пишущей машинкой – и ждала маму.

Примерно в таком же возрасте сам Лёша впитывал в себя, как губка, впечатления внешнего мира – впечатления, но не знания; должно быть, это и привело его, в своё время, на кафедру филологии Университета имени академика Сахарова. Он сохранил в себе это свойство, применяя его к месту и не к месту, но тщательно оберегал от постороннего вмешательства; а когда появилась Лена, плюс родственники жены, то есть родственники Лены, то есть теперь и его родственники, он не мог написать и строчки, потому что рядом с ним ребёнок с большими карими глазами тихо страдал, ожидая свою маму...

Однажды Лёша не выдержал. Тот период должен был остаться в памяти Светланы как «Весёлые Каникулы с Дядей Лёшей». Целую неделю он водил её по зоопаркам, планетариям, студенческим театрам, даже дискотеку показал. Лёша всё ждал, когда Галя не выдержит сама, прозреет, поймёт, что видеться со своим ребёнком после одиннадцати вечера несколько неестественно; поймёт – и сдастся, прекратит, или хотя бы сократит свою бесполезную, безостановочную деятельность, понятную только ей одной.

Галя и правда сдалась. Но сдавалась она по-своему. Месяц от неё не было ни слуху, ни духу. Даже телефон молчал. Такое бывало и раньше, беспокоиться никто не собирался. Лёша мимоходом придумал несколько приколов, Лена делала вид, что обижается...

А потом, ранней весной, Лёша стал абсолютно положительным героем – почти сразу же после того, как встретил племянницу Светку, несправедливо получившую двойку по биологии...

Контора, где Лёша числился непонятно кем, была в курсе, откуда он пришёл на работу и по какой причине опоздал. Его не трогали. Даже Диана Романовна. Раньше выгнала бы в три шеи, за одну только небритость, или отсутствие галстука, а сейчас – вы только послушайте: «Алексей, будьте любезны сбросить ноги со стола... Премного благодарна!»

На всякий случай Лёша выпросил пудреницу у секретарши Зои, – чтобы вовремя замечать появления Дианы и снимать ноги со стола, но все, кто появлялся в конторе, спрашивали: «Лёша, а на фига тебе пудреница?» и тут же принимались насвистывать «Го-лу-ба-я лу-на-а-а..!»

Мало кто заметил, что он сначала устроился в офисном кресле, а потом уже снял пальто; совершив всё это в обратном порядке, Лёша отправился в редакцию, не сказав никому и слова о своих планах...

Редактор в издательстве был невнимателен, нетерпелив и мало предупредителен – как мент, честное слово! Внешний вид и внутреннее состояние молодого писателя несколько его не смущали; менторским дребезжащим тоном редактор вещал:

– ... Поймите, семнадцать лет – это далеко от скандальности. Разве может привлечь читателя секс в семнадцать лет? Ну, пусть двенадцать, пятнадцать, в конце концов, но и это уже без пяти минут банальность!

– Без проблем, – откровенно безразлично сказал Лёша. – Двенадцать, пятнадцать, десять, двадцать... пусть главный герой спит с новорожденным младенцем. Любой каприз!

– Да, кстати, – редактор зашелестел страницами блокнота. – Вы определились с названием?

– Ну конечно! – бодро воскликнул Лёша.

– И..?

– «Нате, подавитесь!»

– Простите, не понял, – промямлил редактор; по лицу было видно, что не понял, мог бы и промолчать.

– Извините, у меня был тяжёлый день, – Лёша улыбнулся оправдательно и подхалимно. – Оставим прежнее...

– Значит «Чертополох»?

– Значит «Чертополох», – кивнул Лёша.

– ... и подумайте над возрастом героини...

– Я подумаю, – пообещал Лёша, вставая со стула.

– И – маленькая неувязочка, небольшая деталь, ваши данные – для налоговой...

Подняв глаза к потолку, Лёша порылся во внутреннем кармане пальто, выудил узкую визитку, на которой значилось:

Антон Кулемичев.

Город, проспект Панфилова, 114

Удивлению редактора не было границ.

– А как же...

– Разумихин – это мой псевдоним, – скромно потупив взор, пояснил Лёша.

«Вот ведь подача, – думал он, покидая издательство, – для литературы семнадцать лет – это скучно, а на нары человека посадить – в самый раз...»

Липовых визиток него был полный карман. В Университете это называли «пропагандой мечты» – раздача визиток с липовыми именами, фамилиями и адресами. Лена считала это остаточным явлением детства. Галя – «белой горячкой». Мнения исчерпались – жаль, что никто не спросил мнения у Лёши.

Обычно к подъезду, где находилась его квартира (после развода Лена вернулась в родительские апартаменты, оставив ему удел скитаться по чужим квартирам), Лёша подходил, пересекая двор по диагонали; задолго до его появления, за многие годы местные жители микрорайона вытоптали солидную тропу, автомобилем можно было проехать.

В этот день Лёша почему-то изменил традиции: задумался на секунду у края чрезмерно выступающего бордюра, и двинулся по тротуару вдоль дома, всеми силами игнорируя подростковую виноватость и грусть, поджидавшие его в сердце двора, около наполовину вкопанных в землю тракторных покрышек.

Проще игнорировать несущийся поезд, став прямо на рельсы.

Она вскарабкалась на него по всем семейным правилам, перебросив вперёд кокетливый школьный рюкзачок. Если семнадцатилетнего подростка на себе Лёша мог пережить и жить как-то дальше, то рюкзачок ударил его прямо в живот, сбив дыхание.

– Здравствуй, Света, – прохрипел он.

– Приве-ет! – сказала она прямо в его ухо.

– Как мама? Не болеет? – немного подсадив девочку, он пошел дальше.

– Не знаю, – сказала Света, ткнувшись губами в воротник его пальто. – Я её со вчерашнего дня не встречала...

– Ты в неплохой команде...

– Чего?

– Не «чего», а «что». Ты в неплохой команде, – повторил Лёша. – Я её тоже со вчерашнего вечера... Светка, а ты потолстела.

– На мне ботиночки новые. А чем у тебя пальто пахнет?

– Исполнительной властью.

– Чего?

– Не «чего», а... Здравствуйте, Роза Иосифовна! – радушно поздоровался Лёша с веч-
носиящей у подъезда соседкой. Света тоже чего-то там буркнула, так же, как и он выросла в
многоквартирной коробке, знала полезность стареющих соседей.

– Может слезть? – спросила она, когда уличная влажность сменилась затхлостью подь-
езда.

– Да ладно... расскажи чего-нибудь.

– Я больше не буду говорить, что у тебя ночевала. Я в следующий раз скажу, что на балете
задержалась, у Симки осталась, А Симка меня отмажет, потому что я её отмазывала, когда
она...

– Девять, – пробормотал Лёша. Они поднялись на его этаж, но этаж был четвёртым, девя-
той была идея оправдывания Светы перед родителями.

– Чего? То есть – что?

– Слезай, слониха.

– Сам слониха.

Ключ не желал попадать в замочную скважину, потому что второй рукой Лёша искал в
кармане заявление. Получилось так, что он одновременно вынул творчество Светкиной матери
и открыл замок. Заявление он всучил в руки девочке, возвращавшейся из стороны в сторону,
словно ёлочная игрушка, напевая что-то себе под нос. Появление листа бумаги остановило
вращение.

– Это тебе. На память. О нашей последней встрече, – сказал Лёша и вошёл в квартиру.
Дверь, однако, оставил приоткрытой.

Телефон звонил уже давно; ему показалось, что от аппарата идёт невесомый пар.

– Привет-Галя-рад-слышать-твой-голос, – отбарабанил Лёша в холодную (на самом деле)
трубку. Телефон стоял в кухне, под раскрытой форточкой.

– Она у тебя? – спросила Галина, не поздоровавшись, не поинтересовавшись, как он
узнал, что звонит именно она.

– У меня. Светка. И ещё две её подружки. Намечается оргия...

– Врёшь. Небось, голыми в койке валяетесь?

– Приходи – посмотришь. Нет её у меня. И вообще – иди к чёрту...

Он нажал клавишу отбоя, подержал некоторое время – Галя не стала возобновлять раз-
говор, убийственно краткий, как и все разговоры между ними. Лёша выглянул на лестничную
площадку, злорадствуя оттого, что лжецом его вряд ли кто осмелится назвать.

– Ну, проходи, чего на сквозняке стоишь...

Светлана не вошла – она впрыгнула, сложив руки за спиной, – и вот так целовалась с
ним под жужжание счётчика электроэнергии. Лёша был старше её на целых десять лет, потому
в нём первом проснулось благоразумие. Споткнувшись о какую-то толстую и умную книжку,
он прошёл в кухню. Угадал, как Света бесшумно всплыла следом, но становилась на пороге.
Лёша вдруг подумал, что он вполне мог быть её отцом, или старшим братом, – так удивительно
точно Светлана чувствовала его состояние. Между посторонними людьми такое редко когда
происходит.

– Света, тебе нужно порадовать родителей своим присутствием, – произнёс он, не обо-
рачиваясь от окна. – Твоя мать звонила...

– Испуга-ался, – насмешливо пропела девочка.

Он развернулся слишком резко, – она моргнула в испуге, но не отпрянула.

Светлана Ефремова. Обыкновенная старшеклассница из среднестатистической семьи. На полголовы ниже молодого писателя. Ботиночки у неё действительно были новыми, плотно облегали стройную голень почти до середины с помощью сложной системы шнуровки. Всё остальное было хорошо знакомым: сжатые коленки с плавными латинскими «U», края чёрных бридж, пальто-пончо, в конусе которого – нежные и беззащитные кисти рук, назвать их «аристократическими» будет халтурой, но появление почти мистическое – как вот зависшее при помощи невидимых потоков воздуха пёрышко нежно-розового оттенка; очаровательный овал лица; форма меняется, когда света раскрывает губы в улыбке и прищуривает глаза, большие карие глаза, а над ними – тонкие брови, почти всегда приподнятые, словно в удивлении. Родинка на щеке. И ямочка на подбородке – совсем-совсем незаметная, ни у кого из родителей не было такой ямочки.

«Может у полковника милиции есть», – мрачно подумал Лёша.

– Света, если хочешь увидеть меня ещё когда-нибудь, кроме как сегодня – сходи домой, – ровным голосом произнёс он.

– Я здесь хочу жить. Чтобы тут у меня дом был...

Надулась. Смотрит исподлюбя, завитый локон тёмно-каштановых волос падает на гладкий и чистый лоб.

– Тут? – переспросил Лёша, словно не поверив собственному слуху. Девочка подозрительно проследила, как он вышел в разъединственную комнату в квартире.

«Был обыск», – подумал Лёша, оглядев с порога состояние комнаты; потом вспомнил, когда убирал в ней последний раз, и успокоился.

– Ну, пойдёшь, посмотри, что ты собираешься назвать своим домом, – предложил он, вернувшись в кухню. Света послушно направилась в комнату, в дверях обернулась:

– Ты не пойдёшь?

– Нет, – сказал он и с грохотом поставил чайник на газовую плиту.

Зажигалку Лёша оставил в пальто, пальто – в прихожей, а он не хотел отвлекать бывшую племянницу от поисков приоритетов, надёжно зарытых в комнатном бардаке. Прикуривать пришлось от плиты; наклонившись, Лёша вспомнил, чем это может закончиться, отпрянул от языков пламени, лизавших закопчённый чайник, оторвал кусок газеты бесплатных объявлений. В общежитии, где он жил студентом, печки были электрическими, риск остаться без ресниц, или чуба был минимальным, но старые привычки живут долго, не правда ли? Даже если пользоваться услугами посредников – сперва Лёша зажег обрывок газеты, подкурил от него, бросил пылающий клочок в раковину.

Разгоняя сигаретный дым, он мерил крохотную кухню шагами, недоумевая: что Света делает комнате так долго? Не выдержал – в раковину прибавилась недокуренная сигарета.

Неслышно, как прокравшийся ночью гном, Света убирала разбросанные вещи по своим местам. Даже пальто не сняла.

– Света...

Замерла, брови испуганно взлетели вверх. Гнома поймали на воровстве.

– Тут подмести только нужно и пыль кое-где вытереть – и всё! – затараторила она.

Собрав в своём воображении некую комбинацию из серых стен КПЗ, заявления и полужелтых зубов в челюстях Гали, Лёша вложил всё это в свой взгляд и твёрдо произнёс:

– Уходи отсюда. Больше не возвращайся.

– Куда? – растерялась девочка.

– Сюда.

– Совсем?

– Да, совсем.

– А Город?

Зазвонил телефон, вот так: дзи-и-инь!

– Мама построит тебе новый.

– Тогда ты – даун...

– О'кей, – согласился он.

Дзи-и-инь!

Сигарета в раковине ещё дымилась – как благовонная палочка. Лёша сорвал трубку с аппарата.

– И-вновь-рад-слышать-свой-голос-родная, – произнёс он.

– Ты врёшь, паскуда трусливая. Она ведь у тебя...

– Сама паскуда, – Лёша обернулся, – девочка уже ушла. – Я тебе говорил: нет её у меня, хочешь, приди и проверь... Галина, ты хочешь..? – вкрадчиво промурлыкал он.

– Извращенец, – презрительно рявкнула трубка.

– Сама такая, – отозвался Лёша.

...Он остался без чая, выкипела вся вода, пока он на лестничной площадке вытирал детские слёзы ладонями и говорил:

– Мне нужно всего-то два дня, чтобы эту макулатуру утвердили и подписали, они же возьмётся с ней уже полгода, если не больше, а потом меня матушка твоя и пальцем тронуть не посмеет...

– А про что... (впережку со всхлипами, как блицами фотовспышек)... про что... прочто...

– Макулатура?

– Про что, – про Город?

Ещё одна слезинка – последняя.

– Про Город, – усмехнулся он; задумчиво посмотрел на небо сквозь мутное подъездное стекло.

– Свет, а что у тебя по биологии за год было?..

... на циферблате лет,

назад, назад стрелу я передвину...

Будучи замужем за молодым писателем, Лена Разумихина использовала целый ряд элементов – с обвиванием шеи руками, нежным шептанием-воркованием – для того чтобы добиться желаемого от мужа. С каждым месяцем комплекс этот терял свою эффективность, и теперь Лёша не смог вспомнить и одного фрагмента, но впечатление монолитной, затаённой требовательности осталось его памяти надолго.

Вот так однажды жена попросила-потребовала, чтобы он встретил свою племянницу после балета, или ещё какой-то другой подобной дребедени. Будет темно и поздно, сказала Лена. Многообещающее сочетание. Раскрасневшаяся после спортивно-танцевальных упражнений Светлана, выйдя на крыльцо, немедленно спросила: «А где мама?» Это было для неё большим достижением, спросить во так, напрямую, лоб в лоб, а Лёша не знал, где её мама, он, вообще, так плотно сидел на своей собственной творческой волне, что не сразу понял: мать этой румянощёкой девочки – та самая безбашенная и взбаламошенная Галя. Ничего не изменилось. Рядом с Лёшей стоял ребенок, и по истечении нескольких лет тихо страдал, лишённый материнского внимания. В чередовании мартовских луж и ещё не успевшего капитулировать снега, Света шла, грустно склонив голову, не замечая ничего вокруг, даже ярких огней, долетавших к ним, сквозь голые ветви деревьев, упрямые аттракционные огни парка, явившиеся в земном воплощении теней далёкого и холодного спутника большой планеты...

Луна-парк работал допоздна, как кафе – до последнего посетителя. Уже, будучи залитой яркими разноцветными огнями, Света смотрела на пёстрое мельтешение длинноруких качелей и каруселей, не веря в то, что всё это может достаться ей в следующую же минуту, не догадываясь, что чудеса на свете происходят обычно без родительского вмешательства.

Прежде Светлана стеснялась своего мрачного, подозрительного родственника. Названия вроде «свёкор», «деверь» и уж конечно длиннее «племянница» в памяти Лёши не оставались совершенно. Света была для него воплощением недоступного теперь детства – и оно стоило того, чтобы в один прекрасный день удивить, очаровать его...

Света разговорилась после первого же аттракциона. Рассказывала что-то своих школьных делах, что-то о биологии, о том, что у неё не совсем получается запоминать сложные термины и отряды. «Да ну, ерунда какая – биология», – говорил он. Но и после бесчисленных оборотов в холодном воздухе, где она, болтая в воздухе ногами, сияла ослепительной улыбкой, Света всё равно болтала что-то о школе. Это походило на бормотание во сне, или бред в затяжной детской болезни. Луна-парк был предсказуемо безлюден, опасно безлюден, многообещающе безлюден. На самую вершину «Чёртового Колеса» они отправились вдвоём; Светлана с такой силой вцепилась в поручень, что её пальцы были белее нерастаявшего снега, от холода, от испуга, оттого, что они вдвоём находятся так высоко, а вокруг – темно и пусто, а Лёша сидел развалившись напротив, смотрел на её поднятые вверх тонкие брови и думал о том, что, наверное, не один мальчишка в классе Светланы Ефремовой влюблён в эти расчудесные брови, и большие карие глаза, и нежные, по-детски обветренные губы... и не хотелось ни писать об этом, ни вставлять в какой-нибудь бесчисленный опус, или – ещё хуже – рекламную концепцию, или видеоролик, просто сохранить в себе впечатление и может быть даже не возвращаться к нему никогда, каким бы ярким оно не вышло.

Она успела достигнуть того возраста, когда можно развлекаться в «Комнате Страха»; Лёша достиг того возраста, когда остаёшься бесконечно равнодушным ко всем этим пугающим прелестям из пластмассы, вроде костлявого скелета, или графа Дракулы. Поклявшись вслух сотни раз, что она не боится, нисколько не боится, Светлана безо всяких приглашений и предупреждений забралась к нему на колени, немедленно затаив дыхание, лишь блестели в темноте широко раскрытые глаза. Лёша держал руки в карманах пальто и, поскольку месторасположение племянницы было привычным и непривычным одновременно из-за всё того же возрастного фактора, вынул руки в шуршащую темноту и положил их на тонкую талию. Света вздрогнула: впереди засветились зловещие зелёные глаза... а в следующую секунду она принялась чихать, часто, трогательно и забавно; Лёша подумал даже, что она выделяется, чтобы скрыть свой страх перед понарошными чудовищами, обитавшими в «Комнате Страха». И вот так она продолжала чихать весь тот короткий псевдострашный путь, а когда оба выехали на свежий воздух, сказала: «Я же говорила, – не боюсь!» Пропутешествовав в тесной для взрослого тележке через мрачное подземельное царство с почти совершеннолетней племянницей на руках, Лёша принялся смеяться, а Светлана неуверенно улыбалась в ответ, удивляясь громкому смеху дяди Лёши.

Он забыл обо всём этом на следующей же неделе, вспомнил, когда Света позвонила на очередную квартиру, арендуемую молодой семьёй и произнесла примерно следующее:

– Мама говорит, что вы, ну... Это самое, так, просто от нечего делать... (вдох)... ПИШИТЕ!

– Чего? – переспросил он, подозрительно нахмурившись.

Это «чего» вернулось к нему много позже, отражённое детской памятью. Пожалуй, именно Светлана упорядочила в нём систему «думать-говорить» именно в такой последовательности. Это не единственный пункт, за который девочка несла ответственность, сама того не ведая. В какой-то книжке, скорее всего в той, что подарили ему коллеги по конторе, узнав о его незначительных переменах в личной жизни, Лёша прочитал, как дети вызывают перемены

в собственных родителях. Если следователь Соколов жаждал извращений, то путь найдёт их в переменах произошедших с Лёшей Разумихиным, молодым писателем, находящемся под влиянием семнадцатилетнего ребёнка.

Так Света, почти играючись, доказала Леше, что львиная доля его творчества понятна и доступна только ему самому. Завязка, развязка, кульминация развязка – в Лёшиных сочинениях всё это происходило в одном единственном месте, – в Городе, – а значит одни и те же персонажи, те же места действий. Как фотографии уютного уголка, сделанные с разных точек. Света не сразу в этом разобралась, ходила по его следам, послушно следуя указаниям: в конторе сказали, что он в редакции – девочка шла в издательство; в издательстве, что он в агентстве – отправлялась в рекламное агентство, чтобы узнать: «А кто это такой – тот же самый..? А это они где, там же где и..?» Ниточками складывался её маршрут в поисках создателя. Биологические часы Светланы не были выставлены должным образом, наверное, с самого раннего детства привыкла поздно ложиться и рано вставать и однажды...

Однажды Лёша заскочил в контору за какой-то забытой мелочью, а там, на кушетке спал ребёнок, заботливо укрытый одеялом, спал под одинокое стрекотание пишущей машинки секретарши Зои. На часах светилось «22» с незначительными минутными довесками; вполголоса Лёша раздражённо втирал улыбающейся Зое: «Ну что, трудно было объяснить, что Дима в рассказе, и Дима в «Чертополохе» – один и тот же Дима?! Ты же читала всё это сама, всё знаешь, святая корова!»

Соизволив оторвать взгляд от печатаемого, Зоя ответила: «Я не корова, а девочка тебе пришла, а не к какому-то Диме...»

Эту идею следовало распорядить на шестиугольники. Сложить из них футбольный мяч и отфутболить далеко-далеко за горизонт, но вот ведь какая презабавнейшая штука: Лёша футбол с детства терпеть не мог.

Как бы там ни было, секретарша Зоя ни в чём не виновата...

– ... Лёш...

– М?

– Телефон звонит...

– Мг...

В сравнении с громоподобным раскатом домашнего телефона, треньканье телефона в конторе звучало беспомощным писком. Лёша работал здесь уже не первый месяц, но всё никак не мог привыкнуть к этому различию.

– Алло.

– А я сегодня в школу не пошла, – сказала Света, – сказала, что заболела, мама мне поверила...

– И тебе, Светлана, тоже здравствуй, – отозвался Леша, с удовольствием превеликим оторвавшись от тяготы, связанной с рекламным прославлением итальянских умывальников.

В офисе, за его спиной возникло оживление: Свету здесь знали ещё с «Весёлых Каникул...»; превращение «племянницы» в «любовницу» в шок никого не повергло, прикалывались по-доброму: то «Особенности подросткового воспитания» подсунут, то «Лолиту» Набокова на испанском языке (Лёша хохотал, представляя себе Ло, болтающую на испанос).

– Привет передай.

– Света, тебе привет, – сказал Леша.

– От кого? (удивлённо)

Он обернулся.

– Как тебя... Постоянно забываю...

– Боря, – напомнил улыбающийся Боря. Не контора, а сброд улыбающихся рекламщиков!

– От Бори тебе привет.

– И от меня тоже передай, – возникла в дверях секретарша Зоя.
– И Зоя тебе тоже привет передаёт, – покладисто сообщил в трубку Лёша.
– И от...
– Свет, тебе здесь все привет передают, – быстро проговорил Лёша, бессмысленно тараща в текст на мониторе компьютера.
– Угу. Им всем тоже от меня передай, – сказала девочка.
– Вам всем привет! – крикнул Лёша, чуть обернувшись.
– От кого? – хором отозвалась вся контора...
Он всё пытался представить себе, что она сейчас делает: сидит в кресле качая в воздухе ногой с полуснятым тапочком; смотрит в окно, наматывая на палец телефонный шнур; играет с котёнком...
– А я голая по квартире хожу. В одних носочках, – сообщила Света с детской лихостью – и всё, можно было сворачивать работы на компьютере, закрывать контору и, вообще, весь малый и средний бизнес...
– А я тоже голый здесь сижу, статью набираю о сексуальном белье, – небрежно сообщил Лёша.
– Да ну, ладно врать-то, – рассмеялась она.
Лёша обернулся.
– Боря скажи: я тут голый весь сижу, – попросил он.
– Я тут голый сижу! – проорал Боря, стремясь голосом достать до телефонной трубки в руке Лёши. Контора крикливых улыбающихся рекламщиков!
– Слышала?
– Ладно, – сказала девочка. – Чего делать потом будешь?
– Не «чего», а «что». В издательство уйду, – сказал он.
– Зачем?
– Там мою книжку печатают.
– Какую? А я её читала? А почему ты за весь месяц ничего не написал?
– В командировку ездил.
– В Город?
– В Город, – усмехнулся он.
– Значит, скоро новое что-то напишешь?
– Обязательно.
– А в общежитие пойдём?
– Посмотрим. Настенька, кстати, тебе привет передавала...
– Так а что за книжка? Я читала, или нет?
– Нет. Ты ещё не созрела для такого, – сказал Лёша
– Как не созрела?! – возмущённо воскликнула Света. – Созрела, ещё как созрела! Созрела! Созрела! Созрела! Созре...

Город – населённый пункт, расположенный примерно на 47-параллели; численность населения – два миллиона человек; в Городе имеются кинотеатры, институты, множество училищ и техникумов. Благодаря мягкому, умеренному климату, жизнь жителей Города практически бесконечна.

Как и во всех выдуманных городах...

... Лёша включил селектор и, пока собирался в издательство, на всю контору неслось:
– СОЗРЕЛА! СОЗРЕЛА! СОЗРЕЛА! СОЗРЕЛА!
Лишь только после его ухода Боря снял трубку, оповестил:

– Светик, он ушёл уже... Во сколько?... В четыре?... Хорошо, я передам, когда он вернётся...

...на циферблате лет.

Назад я стрелку передвину...

Лена сама во всём виновата. Лёша, дурачок, думал, что она замуж за него вышла, потому что у него были офигенные литературные перспективы; на самом деле Лёша был скромным, тихим, покладистым, симпатичным парнем без обилия вредных привычек – ну как за такого замуж не выйти скромной, тихой, покладистой девушке?

А Лёше, в принципе, не жена нужна была, а любимый читатель – он сам обнаружил это с удивлением, с подачи ребёнка с большими карими глазами. Он без особых опасений сказал об этом Лене, утратившей интерес к его творчеству почти сразу же после свадьбы, но он ему не поверила. Когда длительное время живешь рядом с тихим, скромным, покладистым человеком, стоит труда поверить в то, что он может быть каким-то другим. К тому же Лена постепенно становилась на деятельно-бесполезный путь, параллельный с колеёй старшей сестры, и времени проверить даже то, что солнце светит днём, не было совершенно...

А Света с головой уходила в Город, стремительно зарабатывала очки любимого читателя, о чём Лёша, естественно, не подозревал, так как был равнодушен к впечатлениям родственников жены. Когда ему всё это было предъявлено (Света знала наизусть целые страницы и даже главы), он с ужасом обнаружил, что сам не верил в существование любимого читателя. Сумбурное развитие отношений между писателем и читателем могло загнать родственников жены в обморок, или даже кому. Лёша и Светлана разыгрывали сцены из его книжек, благо топография Города была им доступна; надо отметить, Лёша знал свои книжки далеко не наизусть, что вызывало у девочки укоризну, и крыть ему было нечем...

По общепринятому среди родственников жены мнению, Лёша переспал со Светой, и Лена ушла от мужа к родителям.

В соответствии с Лёшиной версией, он нашёл любимого читателя и ушёл вместе с ним в Город...

Нас теперь до утра не трогать,
Не будить, может быть, мы уснём
Хоть на сколько-нибудь, у соседей
Сигналы точного времени,
Молчат телефоны, провода перерезаны,
Нас не будите, до утра не будите,
А если срочное что-то – звоните,
Но не рано...

Разбудили-таки.

– Лёш...(сонно-монотонно, где-то в районе его лопаток)

– М?..

– Я одним ухом твоё сердце слышу, а в другом вроде телефон звонит...

– Мг...

– Вправду звонит...

– ...рядом...

Неслышное движение девичьей руки, высунутой из-под одеяла. Гулкий звук, с которым трубку неловко сняли с аппарата.

– Алё... Здравствуй, мамочка... у него... Мг... Лёша, мамочка говорит, что ты извращенец...

– Сама извращенка...

– Мамочка, Лёша говорит, что ты сама извращенка... Конечно пойду... Я тебя тоже люблю...

Нежные руки обвили его, оставив телефонную трубку, сонное тепло согрело шею.

– Мне в школу пора. Будешь чай пить?

– М... буду спать...

– Ты позвонишь?

– М...

– Я?

– Мг...

Он раскрыл глаза, разбуженный её поцелуем, сохранил свежий и чистый образ любимого читателя, зная, что его ему хватит на весь день...

Вновь проснулся от звучания чьего-то гулко-го голоса, – казалось, этот голос проникал во все уголки комнаты, пролезал даже к нему под одеяло.

Участковый. Уже с утра растрёпанный и хмурый.

– У тебя открыто было, – сказал участковый, – думал, – ждёшь...

– Жду, – подтвердил Лёша, едва открыв глаза. – Тебе чего?

– Малая уже ушла? – спросил участковый, прекрасно зная хитросплетения семьи Ефремовых с молодыми писателями.

– Мг...

– Ну и, слава Богу, – обрадовался участковый. – Это... Курить есть?

– В пальто.

Участковый рванул, было в прихожую, словно вспомнил о чем-то, вернулся обратно на стул, стоявший перед кроватью.

– Тебе пригодятся, – пробормотал он.

– Чего? – Лёша привстал на постели.

Отчаянно смущаясь того, что вот, мол, какая невыгодная роль ему выпала, участковый вынул из планшета серый лист бумаги.

– О, нет! – Лёша рухнул обратно на подушку; с мольбой посмотрел на участкового.

– Мне на работу нужно... и ещё в одно место, – сказал молодой писатель.

– Да ладно, какая работа... Скажи «спасибо», что наручники не надеваю, – отозвался участковый.

– Спасибо, – буркнул Лёша; решил попробовать ещё раз. – Слушай, приходи вечером, как всегда, на ночь меня запрёшь...

– Ну не могу я! – плаксиво закричал участковый. – Это ж заява, документ, мать его!

– Скажи, что дома меня не нашёл.

– Да знают уже, что ты дома...

...на циферблате лет,

стрелу назад я передвину...

...Тогда молодая семья снимала не квартиру – целый дом недалеко от парка «Сту Джиз», огромный дом, с появлением в нём Светланы превращавшийся в театр двух актёров и двух зрителей. Они, не сговариваясь, избегали постельных сцен, это превратилось в целый механизм, отработанный в действии два весенних месяца, но все механизмы имеют свойство ломаться и однажды какая-то пружина лопнула в нём и на пороге большущей комнаты (очевидно, гостиной) с тяжёлыми бархатными портьерами, которые при стирке заставляли буксовать винт сти-

ральной машины, Света появилась абсолютно голенькая, беленькая, укрывая грудь руками, напуганная своим собственным поступком, и произнесла дрожащим голосом: «Я несколько не одета...»

Это была цитата. Нужно было или доигрывать до конца, или переписывать всё заново. Лёшу изумил не вид обнажённого тела, а обилие родинок; это возбуждало сильнее наготы, и превращало Светлану в совсем уж ребёнка... и ещё носочки: серые, с синей полоской на щиколотке...

Лёша выбросил белый флаг. Выбрал трусливую середину. В голове шумело и гудело, когда он, крадучись, приблизился к девочке и поцеловал в никому непослушные губы так, что родственники жены, узнай обо всём этом, тихо отправились бы в мир иной...

«Здесь холодно», – сказал Лёша, таким образом, цитату закончив...

Ближе к вечеру его отпустили. В кабинет к Соколову Лёша влетел со словами: «Мы так не договаривались!», но, к сожалению, вечерний следователь Соколов сильно отличался от утреннего следователя Соколова. Он даже не подарил на память заявление и проигнорировал вызванное этим Лёшино возмущение.

Лена ждала его на лавочке, – хоть что-то соответствовало традициям.

– Ленка, давай ты ко мне переедешь, – сказал Лёша, не выпуская её из объятий.

– Что?

– Или хоть сегодня – побудь сегодня со мной... если не занята...

Оказалось, что не занята. Детства в середине двора не обнаружилось, зато в квартире вовсю звонил телефон. Лёша усиленно не замечал его позывных; когда Лена, наконец, сняла трубку, он вышел на лестничную площадку, оставив приоткрытой дверь, слушал, как она говорит: «Нет, света, сейчас его нет... А я здесь, да... Что-то передать..?»

«Два дня», – подумал Лёша. Присаживаясь у стены. Он продвинул службу в конторе, не был в издательстве, не сдал статью. Удар в спину. Галя перешла к запрещенным приёмам...

– Ты здесь весь вечер собираешься просидеть? – Лена вышла к нему на лестничную площадку.

– Лен, а давай опять вместе жить, – сказал он. – Знаешь как: старый друг лучше новых двух, и всё такое... А Светка сама по себе и отстанет, повзрослеет – вон, видишь, она твой голос в телефоне услышала...

– ...и будет весь вечер огрызаться на родителей, а потом проплачет всю ночь в подушку, – завершила Лена.

– Ты же сама говорила, что у неё это пройдет.

– А ты меня послушался...

– В конце концов, послушался, – сказал он. – Лучше поздно. Чем никогда... А..?

... стрелу назад,

на циферблате лет я передвину...

После сцены в доме Светка обиделась. Лёша думал, она от стыда на глаза ему не показывается. А она обиделась. Не звонила. Не просила новых порций сказок и повестей. Помириться с ней было пустяковым делом: в круглый бокал он напустил сигаретного дыма поверх красного вина, а она в изумлении наблюдала, как дым неохотно покидает бокал – и всё это напоминало поверхность далёкой планеты.

Через некоторое время – пусть будет через два дня – Лена, посмеиваясь, рассказала мужу, как Света заставила своего отца повторить то же самое у них дома, на кухне – так смешно было...

И правда смешно. Леша так смеялся, что перемешал страницы машинописного текста и долго потом не мог собрать их в нужной последовательности.

Итак, они помирились, но требовалось какое-то разрешение на креативном уровне, более доступном, чем поверхность далёкой планеты.

На уровне Города.

Девятый этаж четвёртого общежития Университета называли «Зоной Свободного Ведения Огня». Там обитали одни наркоманы, и делать можно было всё, что угодно, – но и за жизнь посетителей ответственности никто не нёс. Для выпускников универа ЗСВО становилось всё общежитие, это было больше чем просто традиция. Содержимое двухкорпусной двенадцатиэтажной коробки привело Светлану в восторг. Вместе с Лешей они не были большими оригиналам: в «четвёрке» время от времени зависали то двадцатилетняя шлюха с четырнадцатилетним мальчиком, то начинающий кинорежиссёр-третьекурсник с пятнадцатилетней девочкой, но на Свету магическое воздействие оказала сама атмосфера общежития. Да, здесь можно было делать практически всё, именно в таком месте мог родиться Город...

Славик Кайдашов, малооригинально прозванный обществом «Рыжий», принадлежал к старшему эшелону студенческой прослойки. Рыжий был уверен в том, что действительно талантлив тот, кто сумеет проявить свои способности, оказавшись на необитаемом острове в качестве потерпевшего кораблекрушение; думал он так совершенно серьёзно, говорили, что она даже из-за этого своего мнения задвинул карьеру режиссёра видеороликов.

Лёша сильно сомневался в наличии портативных пишущих машинок на необитаемых островах, но если здесь уже есть «Весёлые Каникулы...», то пусть будет и «Вечер в Общежитии» за карточным столом, где по случайному совпадению оказались он, Рыжий, Светлана и еще одна студентка-третьекурсница, Настенька Серебрякова, девушка с разноцветными глазами, которыми она стреляла в сторону Рыжего так, как если бы незадолго до этого они переспали.

Правильнее было бы сказать, что играли втроём, так как Света была перевозбуждена уделённым ей вниманием обитателями четвертого общежития. Настенька, как опытный психиатр со стажем в три курса, подтвердила, что это – нормально и в доказательство привела массу примеров из жизни.

Универ был знаком с Лешиними бреднями о Городе. С картами в руках Рыжий говорил, что у каждого есть свой город – и только у Леша хватило терпения облечь свою мечту в завершенную форму...

– ... не до конца, – говорил Славик. – Пока ты не нарисуешь – на стене, на полу, на потолке – чёткую схему всего Города, пока не распишешь биографию каждого жителя...

– Светочка, у тебя туз, значит всё твоё, – прервала его Настенька, кажется, единственная, кто тщательно следила за игрой.

– Нет, – возразил Лёша. – Мне нужен сущий пустяк...

– Всего-то? – усмехнулся рыжий.

– Кто-то должен верить в существование моего Города. Кто-то, кроме меня самого...

– Слава, у тебя двух карт не хватает, – осторожно напомнила Настёна.

– Интересно, Господь Бог мечтал стать, например, Адамом, или каким-нибудь Каином, или Авелем, – задумчиво проговорил Рыжий, вынимая недостающие карты из рукава...

Вполне естественно и обычно Лёша переспал со Светланой в одной из комнат общежития после классической вечеринки с дискотекой в холле, а потом он ей рассказывал о самой большой своей мечте, – о Городе, всё то, чего Света прежде не знала. Она слушала его, завернув одеялом ноги. Склонившись вперёд, уложив руки на стройные голени, слушала и смотрела большими глазами с дымкой очарования в них. Ему казалось, что она воспринимает это все как очередную сказку, – Света действительно не всё поняла. У неё был небольшой комплекс из-за возраста, так как близких подруг у нее не было, а из всех родственников Лёшиной жены

она была самой юной. Он довёл ее до слёз своими рассказами о Городе, Светлана думала, что он её бросит, раз она ничего не понимает, – он убеждал её в обратном, что всё не так на самом деле, но впредь бывал осторожен в своих разъяснениях.

Потом как-то сама собой сложилась схема: «Одна ночь со Светой, вторая ночь со Светой – ночь в КПЗ». Если религия принадлежит лишь одному человеку – это безумие, форменная шизофрения, так что Лёше досталась совсем неплохая система. Психушка вместо следователя Соколова – это очень даже ничего, к тому же образ жизни Лёши всё больше и больше, день за днём походил на образ жизни его персонажей, и девочка с большими карими глазами всё сильнее и сильнее верила в существование Города...

Но Город нужно было разрушить; это был единственный шанс на существование в реальном мире. Лёша создавал Город в течении двенадцати лет; могло стать, для разрушения понадобится едва ли не вдвое больше...

...или можно было обойтись двумя фразами.

– Лёш...

– М?

– К тебе Светик пришёл.

– Сюда не идёт?

– Нет... не говорит почему...

– Спасибо, Зоинька, – Лёша вернул секретарше улыбку, гадая – поняла, что фальшивая, или нет.

«Двумя фразами», – напомнил себе Лёша, поднимаясь из-за стола. Всё было в порядке. Статья сдана. Издательство обласкано его визитом. Лена не торопясь, перевозит вещи на теперь уже вновь их квартиру. Галя не звонила уже два дня – прекрасно, просто прекрасно...

– Привет...

Света не ответила, стояла, спрятав ладони в соединённые вместе рукава – как в муфту. Смотрела исподлобья, но безо всякого выражения, дышала как-то странно: выдохнет, замрёт, как статуя, вздохнет, снова замирает.

– Ты с тётей Леной теперь живёшь? – голос как изо льда, но во льду трещина, должно быть огромная.

– Да.

– А как же Город?

– Света, Города нет на самом деле, – произнёс он, не зная, что ему сложнее: сказать это, или смотреть в глаза обманутому ребёнку.

– Почему?

– Потому что я его выдумал.

– Чтобы меня в койку затащить?

– Это твоя мама так говорит?

– Не знаю, – однотонно произнесла Света. Молчание должно было превратиться в тишину, но здесь тихо не было никогда: контора трезвонила-тренькала телефонами, окно было распахнуто, шумели машины.

– А я тогда тебя сейчас застрелю, – сказала Света.

Это была цитата. Лёша усмехнулся, опустил взгляд, когда поднял вновь, она рылась в своём рюкзаке, на пол выпали какие-то девчачьи мелочи. Лёша намеревался их поднять, когда Светлана ткнула ему в лицо маленький чёрный пистолет. Можно было сказать «пистолетик», но по неким незримым признакам Лёша определил, что пистолет – настоящий. С секунду посмотрев в малозаметное отверстие для выхода пули, он взял пистолет из рук Светланы.

– Ты с ума сошла, дай сюда...

Пистолет был действительно не понарошный, у игрушечного вес поменьше.

– Ты всегда так, да? – голос Светланы был далёк от слёз. – Пишешь одно, делаешь совсем другое. И все так делают. И я так тоже делаю...

– Да нет, почему, можно попробовать, – пробормотал Леша. – Ты всё правильно делаешь, только вот здесь, вот эту фишечку поднять нужно (он снял пистолет с предохранителя)... Держи...

Девочка послушно взяла пистолет обратно.

– Давай, – сказал Леша и поспорил сам с собой, что она не выстрелит.

Грохот прозвучал на всю контору – и дальше – но в коридор выскочил, почему-то, один Боря.

– Святая корова, – прошипел Лёша сквозь зубы. Опустив взгляд, он увидел крошечное отверстие с опаленными краями в своём свитере. «Я носитель пуль, – подумал Лёша, – пуленоситель...» Ему казалось, что он слышит запах горелой шерсти. С трудом отдавая себе отчет в своих действиях, он отнял у девочки оружие, сунул его за пояс джинсов и съехал по перилам площадкой ниже – как раз в руки Бори.

– Вызови «скорую», – сказал ему Леша.

Всё было так, как он привык описывать в своих выстраданных опусах. Даже головокружение было, и кровь текла по спине, и болело нестерпимо в том месте, куда вогнала пулю отверженная любовница.

– Лёша, я не хотела!

– Конец цитаты, – прошептал он...

Санитар ему не поверил, когда услышал, что Леша стрелял сам в себя. Уже на носилках Лёша задрал край свитера, показал пистолет – санитар кивнул. Поверил.

– Это кто? – кивнул он на заплаканную Свету. Машина «неотложки» для Лёши казалась бесконечно длинной, испуганные большие глаза находились далеко-далеко от него – вместе с тем, совсем рядом.

– Дочь, – сказал Леша и сделал вид, что потерял сознание...

Медсестра раз двести, наверное, повторила: «Я должна поставить в известность милицию!» Когда сказала в двести первый, Лёша догадался, что она ждала деликатного предложения принять условную сумму за молчание. Не дождалась. Толку от Светки было мало, сидела у окна, шмыгая носом. Пришёл какой-то местный аналог Соколова, скучный и вялый. «Приводы в милицию были? – Были – Причина? – Развращение – Кого? – Не ваше дело – Пистолет откуда у вас?...»

– Света, где я взял пистолет? – спросил Лёша, повернув голову к подоконнику с одинокорастущим цветком. Впрочем, теперь к нему прибавился цветок с названием «Любимый читатель»,

– У отца, в ящике лежал, – настороженно отозвалась девочка.

– Значит, запишите так: муж сестры бывшей жены, – распорядился Леша.

Мент посмотрел на него, как на идиота, но всё записал...

Покладистость следователя таила в себе первые признаки Города. «Липовые визитки, – думал Леша, – удерживая ладошку Светы в своей руке, – псевдонимы в газетах, которые никакие не псевдонимы, а имена персонажей... пулевое ранение... Неужели всё?.. Может Светка что-то знает?..» Как по заявке выскочила сложная цитата из подаренной книжки про подростков; что-то о повышенном восприятии... возраст, располагающий к повышенной чувствительности и восприятию...

Если Светлана что-то и знала, то, скорее, не знала, интуитивно чувствовала, считала всё это само собой разумеющимся, обычным и естественным: сидела на стуле, болтая ногами, как всегда напевала под нос какую-то радиотему.

– Свет...

– Я не хотела, – немедленно завелась она.

- Я знаю. Посмотри – телефон далеко?
- Какой телефон? – удивилась девочка. Лёшу в палате перевезти не успели, до сих пор находился на кушетке в приёмном покое. Телефон стоял на столике у выхода.
- Ну, вон телефон стоит, принеси сюда...
- А если...
- Давай, неси, ничего тебе за это не будет!
- Ага, не будет, я уже совершеннолетняя, – пробурчала Светлана, но послушно направилась к столу, принесла аппарат, чудом не уронила трубку на пол.
- Какой номер? – спросила она, чувствуя себя секретаршей. Пристроила телефон на коленках, самостоятельно набрала номер, затаив дыхание. Когда на том конце ответили, устроила трубку на подушке, рядом с ухом Лёши.
- Алло?.. Здравствуйте, это я, – Лёша печально вздохнул. – К сожалению, не смогу сегодня у вас показаться – лежу в больнице...
- Ничего страшного, Алексей, вы можете себе это позволить, – сказал редактор, – одна маленькая неувязочка, бюрократическая нестыковочка.
- Мг...
- Ваши данные... Звонили из налоговой... Вы номер дома указали, а квартиры – нет...
- Лёша не подорвался с постели, не издал радостного победного клича. Украдкой посмотрел на девочку: без перемен, также сидит на стуле, танцует, напевает себе под нос: «Созрела... созрела... созрела... созрела...»
- Номер квартиры? – уточнил Лёша.
- Совершенно верно...
- Ну-у... пусть будет четыреста шесть. Это, вообще-то, общежитие...
- Значит, четыреста шесть... Я записал, всего доброго, выздоравливайте скорей, – отрезонировал редактор.
- «Получилось», – подумал Лёша. Теперь он понял, почему Светлана не звонила родителям, не канючила: «Мамочка, забери меня отсюда!» Его любимый читатель догадался раньше него – возраст? Пусть будет возраст. Задумываться особо над этим Лёша не хотел, его устраивало элементарное объяснение. Он обнаружил, что до сих пор держит трубку с гудками отбоя на подушке.
- Светлана-а...
- Чего? То есть – что?
- Ты не можешь забрать из дома свои вещи?
- А тётя Лена? – тут же спросила девочка.
- Можешь, или нет?
- Самые нужные?
- Зубную щётку. Купальник. Джинсы, вот те классные, в которых ты...
- Ну, могу, конечно... А мы куда-то уезжаем?
- Мг...
- Не бурчи под нос. А куда?
- С чувством человека, мечта которого наконец-то, сбылась, Лёша произнёс:
- В Город...

Примечание: двустилишие с циферблатом принадлежит В. Набокову, в оригинале выглядит так: «... на циферблате лет, назад, назад я стрелку передвину...» Куплет взят из песни «До Утра» питерской группы «Мультфильмы». Эпиграф придуман автором; Вячеслав Кайдашов – вымышленный персонаж, в действительности не существующий и прототипов не имеющий.

ноябрь, 2000

Лучшие традиции

десять шагов молодого писателя

РАЗ

На серый линолеум ломкой опознавательной линией падала тень охотничьего ружья, прислонённого к двери, ведущей в кухню. Света сняла с дверной ручки свою сумочку – тень исчезла, ружьё не исчезало вовсе, поскольку несуществующий предмет исчезнуть не может.

– Сегодня тепло на улице, правда тепло? – бормотала девушка.

Лёша подумал, что для неё подражание взрослой женщине станет со временем привычкой – до тех пор, пока она не станет действительно взрослой женщиной. Это было больше всего, смотреть на неё и, сомневаясь в её зрелости, произнести короткую, тщательно заготовленную фразу, всегда ожидаемую Светланой.

Замедлились утренние сборы, потом успокоились окончательно. Лёша умышленно оглушил девушку известием, именно тогда, когда она, уже почти полностью собравшаяся для своих лекционных занятий, стояла в теневой прихожей, но бледность и потемневшие глаза он мог почувствовать даже в темноте, без теней и паутин.

– Да? – растерянно, едва слышно произнесла она.

– Да...

Лёша стоял напротив неё. Словно в теннисной партии, начался обмен фразами, настолько стремительный, что уже несколько секунд спустя это походило на не слишком точное употребление картинок-наклеек – с загнутыми краями, наскочившей одна на другую, какая-то получилась наклеенной вверх тормашками...

– Кто она?

– Ты с нею не знакома.

– Мне без разницы. Это опять она?..

– Нет.

– Куда ты её водил? Сюда?..

– Это не имеет ни...

– Ты её сюда приводил? Скажи – сюда?!

– Нет...

– Лёша, ты – гад, понял, кто ты такой?!

– Подожди же...

– Не прикасайся ко мне! – вскричала Света, отскочив назад, опередив его попытку привлечь к себе, прервав трогательные движения тонких рук, прекратив собственное раздражение.

– Я опаздываю, – сказала она спокойным, с усилием сделанным тоном.

Внешне Света представляла детскую имитацию оскорблённой, обиженной женщины.

Хлопнула входная дверь; щелчок замка – как напоминание предметной тени...

Лёша расписывал эту сцену десятки раз; в солнечной кухне прежние свои достижения можно было классифицировать как инъекции, предотвращающие затяжные депрессии с колебаниями от суицида к культпоходу в церковь, в тот угол, где каются грешники.

Лёша был готов к тому, что Света его бросит. Поразмыслив, он вспомнил о двух обязательных в подобных случаях действиях: сбор вещей и добывание денег. Последнее могло понадобиться очень скоро; собирать свои вещи Лёша ненавидел, поскольку большая часть его рубашек были шелковыми, он ненавидел прикосновение к шёлку, кроме как к чулочному, облегающему стройную женскую ногу, а ведь в своё время радовался удивительному свойству своих рубашек, которые после стирки гладить было совсем необязательно...

...Ничего бы не случилось, если бы женщина, непонятно что искавшая в сумке, прикреплённой к старенькой раздолбанной тележке, выбрала для этого такое неподходящее место. Последний подъезд, уютно грохочущий мусоросборник всегда разворачивался перед последним подъездом. Не видя источника грохота, невозможно было определить его местонахождение; женщина стояла спиной к мусоросборнику, собравшему мусор из контейнеров у последнего подъезда. Когда днище массивного кузова толкнуло её в спину, и продолжало надавливать, не разгибаясь, женщина обернулась в лёгком удивлении...

Лёша отвернулся от окна. Если женщина и кричала, то грохочущий грузовик заглушил её крик. В наступившей тишине зазвучало сразу несколько голосов: дворничихи, продавщицы молока, кого-то ещё... Солнце, переместившись по небу, изменило угол падения собственных лучей; теперь кухонная дверь ничего не создавала и на её ручке больше не висела миниатюрная сумочка, современная принадлежность взрослой женщины. Случившаяся внизу, у подъезда трагедия создавала иллюзию раздвоенности, какое-то из двух событий сегодняшнего утра не имело места в реальном мире.

Лёша обидел ребёнка, пожертвовавшего родительской семьёй, школьным своим счастьем, девичьей честью и гордостью, или что там ещё есть у юных красавиц; он обидел девушку, которая терпеливо, с поразительной доскональностью поддерживала в квартире порядок, следила за состоянием его вещей и рукописей, соответствуя всем требованиям любящей жены молодого писателя.

Лёша уже не был писателем.

Света ещё не была его женой.

Покинуть квартиру должен был именно он, потому что совсем недавно выяснилось, что родители Светы берегли эту жилплощадь для счастливой семьи, из их дочери и её мужа, но вместо мужа девушке обломился Лёша... даже в этом случае квартира досталась упрямой дочери. И теперь этот отвоёванный ухоженный рай ему предстояло покинуть.

ДВА

Безумно хаотичная жизнь появилась на крыльце, перед входом в конференц-зал агентства «Позиция», замершем на территории недоступной для яркого весеннего солнца. С солнцем соперничали неуловимо короткие и кроткие блицы фотовспышек, в которые из здания вышел Петя Овчинников, молодой кинорежиссёр (теперь это словосочетание можно было не брать в кавычки, тогда как «молодой писатель» имел для этих кавычек все основания), как всегда сосредоточен, как всегда серьёзен, как всегда не поднимая взгляда навстречу объективам. Лёша попытался вспомнить, видел ли он хоть одну фотографию, где Петя смотрит в объектив бесконечно уставшим своим и скучным взглядом – бесполезно, как и было бесполезным для неизвестного молодого писателя представлять себя на месте известного молодого кинорежиссёра.

Более успешно Лёша различал изменения в солнечном свете. Когда он уже был поглощён ими целиком, его позвали по имени, и к своему удивлению Лёша обнаружил, что Петя наконец-то поднял взгляд от земли, для того чтобы привлечь внимание молодого писателя. Взрослое «Алексей!» не заставило репортёров обратить внимание на Лёшу, украдкой наблюдавшего за балаганом у рекламного агентства. Недоверчиво, почти с обидой, Лёша смотрел, как молодой кинорежиссёр в идеальной бытовой пантомиме приложил невидимую телефонную трубку к уху и повертел пальцем диск такого же невидимого телефонного аппарата.

Это ничего не значило.

Дело было не в изменённом солнечном свете. Овчинникову всеми своими и чужими стараниями не удалось оторваться от земли. Пусть даже и с легендарным кинематографическим прошлым, он работал, также как и Лёша в обычном рекламном агентстве...

Преодолев сложный лабиринт из автомобилей такси, Лёша достиг металлической подъездной двери с переговорным устройством; он никуда не спешил, выделялся перед домофоном. Охранники из-за его постоянных насмешек с его стороны не желали узнавать Лёшу в лицо – сами же за это и расплачивались в писательском остроумии.

– У тебя, старик, такие мозги огромные, я отсюда вижу, как они у тебя из ушей выпирают, – сладко завывал Лёша в домофон.

В ответ ему презрительно щёлкнул замок.

Казалось администратор, Миша был загружен именно из-за яркого солнца. Не обратив внимания на его мимику, Лёша сказал:

– Привет, Миша, дай мне, пожалуйста, денег...

Лёша устроился напротив администратора, неуклюже громыхнув ногой по тумбе стола, словно надеясь вызвать в предмете мебели звон золотых монет.

– На, – сказал хмурый Миша, но действий никаких не предпринял.

– Спасибо, – усмехнулся Лёша; помрачнел, в солидарность администратору. – Серьёзно, деньги нужны. Срочно...

– Мы с тобой рассчитались. И за шоколад, и за шины...

– На фиг шины. Дай мне авансом, у вас туча моих сценариев лежит.

– В работе ничего нет...

– Будет. Как только аванс сценаристу дашь – сразу и заказчик появится. Старинная народная примета.

– Я тебе башку иногда расшибить готов, – с непривычной ненавистью произнёс Миша. – Как бабу уговариваешь, ей-богу. И какой ты сценарист? Ты – копирайтер...

– Был бы бабой – давно бы уже дал, – с идентичной убийственностью отозвался Лёша.

– У Кукрыникса попроси, – посоветовал администратор.

– Не могу.

– Почему?

– Он педераст. Ещё неправильно поймёт...

– Ума – вагон, возьми ствол, как сам писал, бомбани обменник. Или кассу магазина, – предложил администратор.

Несколько секунд Лёша пристально смотрел на своего коллегу, прикидывая серьёзность его слов.

– Ствола нет, – признался копирайтер.

– Ствола? Да ты с перепугу девке в обменнике свои деньги отдашь, вместо того чтобы у неё забрать! – воскликнул Миша. – Это у тебя в книжках всё так просто!

– Кто тебе сказал что просто?! – огрызнулся Лёша. – Если просто – зачем нас вокруг себя пасёшь?!

– Сдохнете ведь, – с кислой миной сказал Миша.

– Не-ет! – рассмеялся Лёша. – Обменники начнём громить.

– Дятлы вы беспомощные для обменников. Написать и сделать – не одно и то же. И не надо мне про параллельные и подразумеваемые миры рассказывать! – поморщился администратор.

– Не буду. Дай денег.

Миша вздохнул.

– Ну, что, у тебя умер кто-то? – спросил он.

– Хуже. Светка ушла, – сказал Лёша.

Известие ввело администратора рекламной конторы в необычайную радость.

– Давно пора! – заявил Миша. – Наконец-то. Только если к предкам – то это до фонаря, назад быстро вернётся. Тяжко в её возрасте с родителями. Вот если другого нашла – тогда всё, Алексей, новую дурочку себе ищи...

– Да сам ты дурак, – не выдержал Лёша.

– А ты нищий дурак. И тупой – обменник бомбануть не можешь, – Миша нервным движением поправил манжет рубашки. – К кому ушла?

– Не к кому, а куда. В Университет, – сказал Лёша.

Густые не по возрасту брови Миши поползли в удивлении вверх.

– Там так классно сейчас, – продолжал писатель, – одни первокурсники, из стариков нет никого. Похоже на настольный теннис в самолётном ангаре...

– А заочное отделение есть? – перебил его Миша. Ему покоя не давало отсутствие собственного высшего образования. Лёшу вовсе не радовал запуск рекламного администратора в юную университетскую среду, но тот, не дождавшись ответа, засуетился, принялся убирать со стола бумаги, захлопал многочисленными ящиками-дверцами.

– Пошли со мной, узнаем что там и как, – сказал Миша, – а ты заодно...

– Пошли, – перебил согласием Лёша, пока администратор не продолжил делиться своими планами...

Шоколадовые шины и магазины нижнего белья; бутики и новый аспириновый вид; пиво и мороженое. Лёша не раз спрашивал себя, как он выдерживает подобные сочетания, в редкие моменты растянутые во времени, чаще – срочно, скорее, скорее, не успеем, перехватят сволочи-конкуренты, точные копии таких же рекламных сволочей вроде Миши-администратора, некоронованного нефтяного принца. Кажется, во всём агентстве Лёша был единственным, кто получал гонорары не у кассира, а у администратора. Лёша прибалтывал Мишу и тот шёл к кассе. Несостоявшийся писатель так и не научился просить денег. Impossible. Миша не считается. У него просить – как из заначки деньги взять.

Что же случилось с солнечным светом? Как будто Лёша не знал, что когда уходит девушка, особенно из-за другой девушки – всё не то и всё не так, тем более солнечный свет, матовый, проникающий на лестничную площадку сквозь стекло, мутное, но без дефектов. Тени ружья, однако, не было. Щурясь и хмурясь, Лёша увидел девчонку, непонятной ни возрастом, ни профессией, вечно околачивающуюся в агентстве. Впрочем, в руке у неё был веник, стало быть, или ведьма, или уборщица. Для уборщицы девчонка была слишком хорошенькой.

– Здравствуйте, – сказала она, пряча веник за спину.

– Привет, – скупой отозвался Лёша, не намереваясь продолжать беседу. Он обернулся – администратор всё ещё возился в своём кабинете.

– Вы оба так кричали громко, – продолжала девушка, неуверенно, как будто она была в чём-то виновата. – По всему подъезду слышно было.

– Давно не виделись, – счёл нужным пояснить Лёша. – Обрадовались друг другу.

Девушка засмеялась, звонко и солнечно, и теперь уже её смех разносился по всему подъездному колодцу, внушая ответную искренность и доверчивость. Лёша решился на разговорчивость.

– Ты здесь работаешь?..

– Ага. И учусь ещё, в училище, – она заговорщицки понизила голос. – Меня мама сюда пристроила. Хочет, чтобы я замуж вышла за хорошего человека выскочила...

– Твоя мама в заблуждении. С хорошими людьми здесь проблема, – заметил Лёша.

– Для неё «хороший» и «богатый» – одно и то же, – пояснила девушка.

– А-а... Тогда я в ауте.

– Денег нет? – безо всякого сочувствия спросила она.

– Вообще, – подтвердил он.

– А вы бы взяли и ограбили пункт обмена валют, – наивно предложила она. – Сами ведь писали...

Сдержав в себе порыв, выругаться, Лёша совершил это внутри себя. Потом пришло нечто подобное гордости за собственное творчество: надо же, какая-то уборщица в рекламном агентстве читала его рассказы!

– Как тебя зовут? – спросил он, сунув руки глубоко в карманы плаща.

– Ирина...

– Не так всё просто в этом мире, Ирина. Одно дело – когда любимую девушку с больничной койки поднять собираешься, другое – когда она...

Лёша заткнулся. Удивительно вовремя он понял, что половину всех своих бед он рассказывал малознакомому человеку и вот-вот расскажет другую половину. Чтобы как-то похоронить тему бед и несчастий, он произнёс, отвлечённо и бестолково:

– А что это у тебя под юбкой надето?..

– Велосипедки, – быстро произнесла девушка.

– И не жарко тебе в них?

– Не-а... Под ними-то ничего нет...

Она должна была или подмигнуть, или прищуриться, тем самым зафиксировать своё откровение в его памяти хотя бы на сегодняшний день, но по ступенькам гулко сбежал администратор Миша, не обратив никакого внимания на уборщицу – Ира немедленно принялась подметать подметённую лестничную площадку, подразумевая начальство во всех сотрудниках, начиная с копирайтеров.

ТРИ

Их было слишком мало для четырёх корпусов Университета, соединённых между собой. Но копирайтер Лёша и администратор Миша подросли как раз к перемене; первокурсников хватило, чтобы заполнить и вестибюль, с изменённым солнечным светом, и крыльцо, объёмом равное армейскому плацу, и широкие ступени, и даже часть тротуара. Движущиеся на проезжей части автомобили отсекали от Лёши первокурсные звуки, слышимые им иногда во сне. В его воспоминаниях осталось лишь какое-то бетонно-монолитное гудение, невозможное для расслоения на части, а ведь именно в рознице и кроется самое интересное: кто с кем спит, кто, где пьёт или курит, кто кому, сколько должен и в какой комнате остался настольный хоккей.

Хотя хоккей – вряд ли. Это поколение, должно быть, равнодушно к настольным играм.

У металлического турникета Лёша незаметно для себя вставал на носки, словно готовясь воспарить над студентами, может быть для того, чтобы слить их и себя в единое целое, в безвозвратно ускользнувшую юность, где всё слишком красочно и умело, вырисовано, чтобы это можно было забыть навсегда.

– Она сказала тебе, что не носит трусиков? – спросил Миша, наклонившись, не то доверительно, не то потому, что шумели машины.

– Кто? – отозвался Лёша, высматривая в пёстрой массе Светлану.

– Значит, скажет, – убеждённо произнёс администратор. – Она за нами следит...

– Кто следит? – повторил Лёша. Свету он не нашёл, зато заметил солнечный зайчик, пущенный чьей-то рукой в лицо первокурснице, стоявшей на ступенях Университета.

– Ладно, я пошёл, – вздохнул Миша.

– Ага, – отвлечённо поддержал его Лёша.

Он продолжал своё трусливое наблюдение с акцентами на хорошеньких девушках. Поначалу ему казалось, что его интерес именно к студенткам подчинён его натуральной ориентации, но девчонки-первокурсницы вели себя несколько энергичнее первокурсников. Дело было не в движениях, скорее только в жестах, мимике – мелочах, едва различимых с противоположной стороны проспекта. После солнечной пустоты Лёшу озарила солнечная же радость оттого, что где-то там есть и его девушка тоже, пожертвовавшая ради него...

Он не успел разочароваться утренним воспоминанием. Словно эхо вернулась фраза администратора: «...за нами следит...» Лёша повернул голову с хрустом в шейных позвонках: за круглой, будто большой стакан, будкой с продавщицей мороженого стояла девушка в велосипедках надетых под юбку, шурилась солнечному свету, оставившему на её лице россыпь веснушек. Она удалилась без намерения скрыться срочно и незаметно – как если бы потеряла к Лёше внезапный свой интерес, обратила его взору миниатюрный клетчатый рюкзачок... В корпусе Университета прозвенел звонок. Лёша слушал его со всевозрастающим удивлением: школьный звук проник на территорию высшего образования?..

ЧЕТЫРЕ

Если бы у Лёши спросили, зачем он переспал со взбаламошенной, зрелой и полупьяной какой-то тёткой, он бы сослался на классическое сложение обстоятельств, да ещё на то, что другой возможности отделаться от радиоредакторши, разбежавшейся с мужем слишком недавно, чтобы это забыть и слишком давно, чтобы забыть что такое оргазм, он не видел.

Ему не пришлось оправдывать для Светы своё ночное отсутствие и придумывать какую-нибудь невероятную историю. Света воспринимала его как писателя и считала, что всё, о чём не догадается она сама, существовать может только лишь в воображении любимого ею человека.

Нужно было показаться на глаза радистке. Лёша совершил этот подвиг, поднявшись лифтом на N-й этаж, пугающий обилием бумаг и косметики на лицах. Он не узнал радистки – она сама его узнала, они обменялись заверениями в отсутствии претензий, но, уже спускаясь лифтом вниз, Лёша к ужасу своему обнаружил, что только что дал своё согласие на вечернюю встречу, несмотря на то, что встречаться с радиоредакторшей он не собирался ближайшие несколько столетий. Поколебавшись, он отменил встречу телефонным звонком, под пристальным наблюдением веснушек. «Я слишком перегружен женским обществом», – подумал Лёша. Пожаловаться было некому, позвонить кому – было.

Он не думал, что простым телефонным звонком свяжется с Овчинниковым. Лёша и номер его отыскал с большим трудом. Однажды, случайно заглянув в его записную книжку, Светлана обнаружила там свойственный Лёше беспорядок. Робко, понимая, что поступает, не совсем тактично, она спросила разрешения привести его записи в некую систему, известную ей одной, и переписала все телефонные номера в новый блокнот своим разборчивым, образцово-показательным почерком. Лёша помнил, как он долго не мог сразу найти нужной записи, поскольку об алфавитном порядке успел забыть ещё в школе. Упорядоченное содержание его старого блокнота вместились на четыре страницы блокнота нового.

– Алло, – сказали ему после третьего гудка, а фоном для девичьего голоса был однообразный шум, создающий впечатление бесконечной пресс-конференции, которая стала для молодого кинорежиссёра основной частью его жизни.

– Это Лёша, – сказал Лёша.

– А это – Мэри, – с гордостью ответила девушка и у него пропала всякая охота разговаривать...

Лёша вдруг вспомнил, что жена Пети Овчинникова, Марина, учится в Университете, также как и кареглазая Светлана. Лёша никогда не считал Петю своим другом, или товарищем, или близким знакомым – они были просто знакомы, как это бывает между дальними родственниками, или однокурсниками в любом большом ВУЗе с впечатляющим количеством факультетов. И вот по прошествии нескольких лет, обнаружив черту, объединившую его с кинорежиссёром, Лёша слушал странный голос Овчинникова, с нотками методичности, усиленными телефонным разговором:

– ... восемнадцать серий, по десять минут, максимум – четверть часа, – говорил Петя, – Нужно сделать три «пилота»...

– На какое число? – спрашивал Лёша.

– Как успеешь. Заплатить я тебе всё равно смогу только когда сам продам всё это...

– Так подожди... Может у меня уже сейчас что-то есть...

– Сейчас у тебя ничего нет, из того, что я читал ничего не подходит. Из ружья и обменника могло что-то получиться, но там диалогов мало. Я могу в кадре хоть шестисотый «мерс» взорвать, но на один только взрыв уйдёт вся серия, а у тебя диалоги классные, сжатые – поэтому напиши что-нибудь новое, другое, как в пьесе...

– Ты читал всё из того, что я написал? – с сомнением поинтересовался Лёша.

– Почти. Мне девчонки из художественного училища давали почитать, – сказал Петя. – Позвони, как появится чего-нибудь...

– Ага, – тупо отозвался молодой писатель и дальше после телефонного воскрешения его писательского таланта, слушал гудки отбоя, схожие с кнопками, которыми прикалывают постеры к бетонной стене...

Дома он узнал, откуда взялось ружьё. В старых фотографиях Светланы он отыскал её, на фоне охотничьего леса, в осенних ботиночках и просторном пальто, совсем ещё ребёнком, с глупеньким выражением на лице; фотограф поймал её в совсем неподходящий момент, украв на негатив кареглазую искренность. Света была просто создана для наивной детской глупости в сочетании с обилием родинок, сосчитать которые Лёша пытался раз за разом, и каждый раз это занятие откладывалось под осенний смех первокурсной Светланы, когда она, запрокидывая голову, набирала воздуха для очередной смешливой ясности и вздрагивали крылышки её ноздрей, а вот теперь она стояла на фоне леса, может быть не леса, а обыкновенного городского парка, вроде «Сту Джиз», Лёша не знал его досконально...

...а не мешало бы – знал бы, где теперь искать кареглазую красавицу. Он успел разучиться совершать в её отсутствие самые элементарные вещи – например, выйти на улицу и купить себе сигарет. Единственный любимый читатель – и её Лёша отпугнул от себя, ну и что, что равнодушно?.. Он останется один на один с осенним снимком, зная, что если в его жизни будет какая-то другая, следующая девушка, он никогда не расскажет о счастье, подаренном ему кареглазкой Светой, и снимка никому не покажет, потому что разобьётся невиданный в сказочности своей мир, и вот тогда у молодого писателя останется большая, густая и чёрная туча – ни-че-го...

Лёша поступал в Университет без какой-либо определённой цели. Он подозревал, что так было в большинстве случаев, всё определяется лишь после зимней третьекурсной сессии – после «экватора». Все студентки мечтают выйти замуж за «хорошего человека»; все студенты мечтают избавиться от воинской обязанности, однако всё это – не цель, а что-то из племени инстинктов-атавистов, пугающих мрачным внешним видом и корявым произношением.

Когда наступили перемены в жизни общества, Лёша не заметил. Теперь ВУЗ был необходим лишь для того, чтобы получать как можно больше денег. К его взрослению всё успели продать в этом бесчестном мире, даже он был продан кому-то невидимому – не без участия Миши-администратора. Рекламное время в состоянии поглотить десятки таких «молодых писателей» как Лёша, останется ещё место для музыкантов, художников, поэтов и драматургов, до сих пор утверждающих, что если в первом действии висит на стене ружьё, в последнем оно обязательно выстрелит. Какой-то умник с филфака, говорил, то ли прикалываясь, то ли всерьёз, что автор этого высказывания подразумевал под ружьём фаллос, а под выстрелом – семяизвержение...

Бритьё – это как езда на велосипеде или плавание: никогда нельзя разучиться, даже если расстался с девушкой. Спустя несколько дней, получившимися одинаковыми в своей апрельской солнечностью, гладковыбритый и раздражённый веснушчатой слезкой Лёша переступил порог гуманитарного училища, где добродушного вахтёра-дедушку сменил камуфляжный молодец. Он не сказал ни слова: в облике молодого писателя сквозила надменность, почти брезгливость, свойственная комиссии из ОблОНО.

Наобум выбрав предпоследний курс, Лёша, тем не менее, блуждал в расписании лекций, втайне надеясь, что перемена начнётся не сейчас, не с минуты на минуту, иначе школьные образы, вслед за звонком, расплодятся с невероятной быстротой.

Холодно и бесстрастно посмотрев в глаза пожилой уже гуманитарной преподавательнице, Лёша произнёс:

– Здравствуйте. Можно мне поговорить с Ириной?..

– С какой именно? – ответили ему, и надо было называть фамилию Ирины, и уважительную причину для своего наглого поступка, однако с небрежной бестактностью Лёша ткнул пальцем в россыпь веснушек, замеченную им боковым зрением:

– Вот эту...

Училищно-коллективный вздох, где было и восхищение, и недоумение, и удивление, Лёша проигнорировал. Взяв Ирину за уютный тёплый локоть, он отвёл девушку к подоконнику и сказал:

– Перестань за мной ходить как...

– Это не я, – перебила Ирина, высвободив свой локоть.

– А кто? – растерялся он.

– У меня сестра есть.

– Близнец?

– Ага...

Он рассматривал её, как восковую куклу, слишком долго, уже могла начаться и перемена, и новая лекция, но ничего не происходило. Остыв от собственной пристальности, Лёша скрипуче рассмеялся.

– Бред...

– Бред, – немедленно согласилась она. – Вы меня напугали...

– Перестань за мной шпионить.

– Я не шпионю. Я наблюдаю...

– Какая, на фиг, разница?! – воскликнул он.

Девушка прикусила губу, как будто услышала нечто, ответившее её велосипедному откровению в рекламном агентстве.

– У нас все девчонки ваши рассказы читали, – сказала она. – Я им когда расскажу – не поверят...

– Я тебе тоже не поверю. Потому что я – это больше не я. Понятно? – проговорил он со спокойствием невероятным.

– Нет, не понятно.

– Неважно. Перестань за мной шататься...

– Я не могу, – призналась девушка.

– Что за чёрт? – пробормотал он.

– Вы пишете себе, пишите, – разрешила Ира, – а я потом сама книжку напишу...

– Обо мне? – нервно усмехнулся Лёша.

– Ага.

– Мне всего лишь нужно, чтобы кто-то проверял ошибки в тексте, но даже это место давно уже занято, – отдельно произнёс он.

– Врёте. Все знают – вы с женой разводитесь...

– Перестань за мной шпионить, – повторил он в третий раз. – Работай в агентстве, учись в училище... Ты в Университет поступать не собираешься? – вдруг спросил Лёша, чем неожиданно даже для себя выдал свой чрезмерный интерес цепким взглядом будто бы ошупывающим хорошенькое веснушчатое личико Ирины.

– Если замуж не выйду, – тихо произнесла она и поджала губы.

– С таким-то упрямством, – сказал он.

– Упрямство и настойчивость – не одно и то же, – сказала девушка так, как будто процитировала умную книгу.

Лёша пытался вспомнить, не его ли книга.

– Ясно, – сказал он, – Хорошо, увидишь...

– Увижу – что? – крикнула она ему вдогонку...

ПЯТЬ

Увы, за время сожительства с кареглазой Лёша так и не успел развестись с женой, и Света формально по-прежнему приходилась ему племянницей. Он безалаберно пропускал судебные разбирательства, заседания и слушания, хотя ни одна из сторон не была против развода. Лёша разбежался со своей женой, но не с её семьёй.

В редкие минуты, когда Светлана чувствовала своё зависшее неопределённое положение наиболее остро, она выдавала пачками все эпитеты, которыми была снабжена женской половиной своей родительской семьи. Для Лёши это была ретроспективным показом камеры предварительного заключения, куда его упрятывала своими стараниями мать Светы, телефонные переговоры, постоянно обрывающиеся, вечно неубранная квартира и – как итог – облом в издательстве, где готовилась к печати его первая книга.

Книгу так и не напечатали. Малочисленные экземпляры разошлись в узком кругу читателей. В немыслимом водовороте, со стрельбой, подростковой истерикой и затяжным запоем Лёша не заметил, как очутился на территории-приданном кареглазой первокурсницы. Ничего не изменилось. Это была та же семья и та же неопределённость...

Гуманитарное училище было почти таким же, как и все остальные училища. В памяти Лёши шевелилась какая-то грязная история с порнографическим скандалом, с которым удивительно ладно сочеталась учащаяся-уборщица в велосипедках. Лёша был зол от того, что по-прежнему не было денег; от того, что Светка так и не позвонила, а звонить её родителям хотелось не больше чем съесть мороженое с пивом; от того, что какая-то малолетняя дура с завитыми каштановыми локонами влюбилась в него без памяти и обычной постельной сценой от неё не отделаешься...

Кстати она вышла из училища в сопровождении таких же упрямых гуманитарных ровесниц; кажется, Ира намеревалась подойти к молодому писателю, но он с ярко выраженным безразличием отвернулся к пирамидальному тополю, и гуманитарная компания осталась у него за спиной.

По мере продвижения к центру города Ирина расставалась со своими однокурсницами, как это бывает с айсбергом, движущимся в тёплых водах к жаркому матерiku. Лёша не скрывал своего шпионства, шёл в нескольких шагах от миниатюрного клетчатого рюкзака, в котором, по его мнению, могло уместиться от силы содержимое его бумажника, а веснушчатая Ирина умудрялась вместить в него учебники-конспекты, плюс ещё какие-то косметические мелочи, не говоря уже о...

«Лучше не говори ничего, – подумал Лёша, – не говори ничего, не думай, не воображай...» Не прошло и получаса его пассивного преследования, а он уже представил себе жизнь уборщицы-третьекурсницы так ярко, что мог своими собственными руками создать красочную детскую книжку-раскладушку...

На территории огромного общественного парка (не «Сту Джиз») он решил схитрить, срезать наискось зеленеющую плоскость, безлюдную, залитую солнцем, и оказаться впереди особы, с которой он поменялся ролями. В чередовании молодых елей и акаций, в хвойно-лиственном сочетании Лёша думал, что все люди на самом деле – деревья, и вспоминал, как когда-то на таком же вот отрезке, только в жилом микрорайоне, его поджидала школьница Света,

в нетерпении шагая туда-сюда возле наполовину вкопанной в землю тракторной покрышки, повторяя постоянное одёргивание со стороны Лёши: «Только без «ну», – «Ну ла-адно...»

Прозвенел звонок.

Растерянно моргая, Лёша продолжал идти, неуклюже споткнувшись о невысокий тротуарный бордюр и не заметив этого. Каштановую аллею, открывшуюся перед ним сразу же за углом дома, венчала обыкновенная общеобразовательная школа, от которой Лёша открешивался очень давно. Звонок собрал школьников в школьное тело. Теневая каштановая аллея опустела в считанные секунды – всё зря, все усилия напрасны, я буду без конца возвращаться к перезвонам звонков, рядам парт, сетчатому гардеробу и цокольной школьной столовой – к своему собственному, никем не завершённом детству...

– Эй...

Кто-то дёргал его за рукав плаща.

– Только не говори, что ты и здесь тоже учишься, – произнёс он, не вынимая рук из карманов плаща (чтобы не наградить девушку заслуженной оплеухой).

– Нет, здесь я работаю, – сказала Ира, отступая в каштаново-школьную тень.

– Уборщицей? – предположил он.

– Иллюстратором. Я на пианино играю, – она махнула рукой – слишком неопределённо, чтобы это выглядело прощальным жестом.

Оставшись в одиночестве, Лёша подумал, не понимая, к кому он обращается: «Верните меня в детство...» Повернувшись к школе спиной, он увидел то, что видел каждый школьник, возвращающийся с уроков домой.

– Город, – вслух произнёс Лёша, – Был Город...

Редко когда он задумывался, что было до Города; если собрался задуматься, то нашёл бы нечто подобное улике на месте преступления, вроде обломка расчёски, которой пользуются в разных странах несколько миллионов человек. До Города было детство, не какое-то абстрактное символическое, а настоящее детство, в котором Лёша был или лидером, или аутсайдером, или обычным ребёнком, оставившем после себя массу фотографий, сделанных родительским фотоаппаратом «Смена». Время – само по себе понятие далеко не условное, но абстрактное, потому и детство всегда в прошедшем, давно миновавшем «вчера» – абстрактное, недоступное для возвращения; идиллия применима только в прошедшем времени; пусть детство всегда и у всех будет идеализированным с уничтоженными негативными впечатлениями и умело подретушированными впечатлениями светлыми и радужными. Лёша думал, что даже оставшиеся в живых школьники из кинговской «Керри» будут собираться на встречи выпускников – а ведь их школа была сожжена дотла, отстроена вновь, но была, а теперь там время от времени школьники стреляют друг в дружку из папиных ружей...

ШЕСТЬ

В рекламу Лёша вляпался ещё студентом, не в одиночестве, многие студенты-филологи верили в сказку о большом рекламном будущем, когда за одно словосочетание кто-то должен был выдавать безумно много либеральных ценностей. В той рекламе, как в мышинном мультике, улицы были вымощены сыром, текли молочные реки, а на деревьях вместо листьев росли баксы, потому и «зелень». Золотое время так и не наступило, но некоторые знакомые Лёши были убеждены в том, что оно прошло где-то рядом, должно быть в прилегающем параллельном мире, о котором любил вспоминать администратор Миша...

Вместе с одним парнем по имени Олег, Лёша заявился в агентство «Позиция», оба – колышущие мечтой о золотом времени и параллельных мирах. Заказы повторяли друг друга; Олег говорил, что в городе основные проблемы – это бутики, дорогая мебель и пиво, а с остальным всё в порядке. Салон женского белья на общей рекламной картине агентства выглядел так

непривычно, что резал глаз. Как и положено прилежным выдумщикам, Лёша и Олег отправились в салон посмотреть своими собственными глазами на изысканности подчёркивающие прелести и скрадывающие изъяны женского тела, да и зависли там на целых полдня, и унесли оттуда кучу каталогов, которые разошлись по всему университетскому общежитию, и были разобраны на детали, украсившие стены комнат, двери туалетов... Кажется, ничего подходящего ни Лёша, ни Олег не придумали, «Позиция» осталась без клиента. «А мы должны были что-то придумать?» – спрашивал Олег, увлечённо листая каталог с полуобнажёнными моделями...

Лица продавщицы-консультанта в своё первое посещение Лёша не запомнил; помнил; была какая-то миловидная, молоденькая, не старше них, студентов, девушка, но ведь они все такие, не только в салоне нижнего белья, потому и кажется, что где-то её видел, а может быть даже и переспал с нею когда-то.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – поинтересовалась девушка, эффектно махнув своей косой, собранной из густых светло-русых волос. Западный рафинад. Буквальный перевод с английского: «What can I help you?..» Лёше хотелось немедленно отозваться: «That's impossible. I'm writer...»

– Можете, – кивнул он, – Мне нужны трусики...

– Подарок? – улыбнулась девушка.

– Ага, – бестолково ответил он, рассматривая вывешенные под потолком гигантские щиты с гигантскими грудями, ягодицами, бёдрами – в таком увеличении, что облегание каким-то нижним бельём можно было только подразумевать.

Ассоциация «секс – школа» доставалась не всем, лишь тем, кто успел потерять невинность ещё в школьном возрасте и таким образом отдал её второй ступени образования. Была ли сексуальная революция, или же её не было вовсе – Лёша застал тот этап, когда из одних подростковых потных рук в другие, такие же руки переходили порнографические изображения на зернистой фотобумаге; фотокружки в ДЮТ были переполненными желающими обрести знания в области фотографии – совсем не для того чтобы сорвать приз на всесоюзном конкурсе «Я люблю тебя, жизнь!..» Основным в разглядывании изображений с бесчисленными комбинациями было то, что любой школьник знал: ему в *этом* участвовать никогда не доведётся, *это* такое же далёкое и недоступное, как джинсы, жвачка и плеер... Как нельзя нормальным людям зарекаться от тюрьмы и сумы, так писателю нельзя зарекаться от рекламы и порнографии.

Девушка с косой порхала в привычном для себя королевстве нижнего белья, привычно пустынным из-за высоких цен и обывательского менталитета. В Лёше девушка подразумевала смущённого и стеснительного молодого человека, спешащего сделать своей любимой пикантный весенний подарок. Лёша ломал стереотип слишком отвлечённым туманным взглядом и ответами не попадал.

– Какой размер? – спрашивала девушка.

– Точно не знаю.

– Не страшно. Посмотрите на это – эластичные и облегающие...

– Безразмерные, – понимающе кивнул он.

– Ну, не совсем, – рассмеялась девушка.

– Без «ну»...

– Что?..

– Ничего. А это что?..

– О, у вас хороший вкус! – одобрила девушка его внимание. – Смотрите: закрепляется вот здесь, это ложится между...

– Это не трусики? – прервал её Лёша.

– Нет, но взгляните на это... Потяните вот здесь.

– Где?

– Вот, за это, за полоску...

– Зачем?..

– Да не бойтесь же!

– Не хочу. Я вам верю – это невысказанно прекрасно, но давайте сейчас вернёмся к трусикам...

– Как хотите, – несколько обиженно произнесла девушка и возмущённо взмахнула косой.

Лёша купил очень много трусиков. Кажется, продавщица-консультант решила, что он собирается сделать презент теннисно-модельному агентству. У Лёши была мальчишеская идея дёрнуть её в шутку за косу, но ограничился скупым комплиментом.

Нельзя назвать кошуном то, что Лёша стоял в вестибюле школы с предметами женского белья хотя бы потому, что всё это было тщательно упаковано в подарочную сумку. Однако с близким ощущением к кошунонству он глазел на обтекающих его детей, наслаждаясь не зрительными их образами, а шумной всеобщей атмосферой образования, которая ускользает из разграфленных дневников, учительских планов, журналов с отметками.

Ждать ему пришлось недолго. С подчеркнутой строгостью на лице к нему вышла Ира, прижимая ладони к бёдрам, чтобы развевающаяся юбка не открывала края велосипедок.

– Это тебе, – сказал Лёша и вручил ей своё приобретение.

– Ого, – заинтересованно произнесла она, заглянув внутрь. – Зачем так много?..

Ей удавалось перебирать содержимое сумки, не вынимая трусиков наружу.

– Чтобы надолго хватило, – пояснил он.

– А откуда вы размер мой знаете?

Лёша не расслышал вопроса – смотрел, как шестиклассник озабоченно роется в своём рюкзаке, обнаружив, вероятно, отсутствие пересменной обуви для физкультуры.

– Что?.. А-а... там всё такое эластичное и облегачущее, – Лёша убрал с лица волосы. – Слушай, мне к одному человеку сходить нужно. За деньгами. Сходишь со мной?..

– А сами почему не хотите? – спросила Ира, всё ещё поглощенная подарком, ничуть не смущённая – совершенно.

– Я его боюсь, – честно признался Лёша.

– К Курынику. что ли?..

– Откуда ты знаешь? – удивился он.

– А все, вот как вы... копирайтеры его боятся...

Её возраст не должен был воспринимать переводное слово как постороннее, однако оно далось Ирине, словно с трудом, как будто из далёкого неизвестного племени.

– Ладно, я сейчас. Надо ведь посмотреть, кого вы все так боитесь, – сказала Ира, заворачивая подарочную сумку – чтобы не появилось свидетелей.

– А тебе больше никуда идти не нужно? – с долей вежливости осведомился он.

– Нет, только в «Позицию». А там я скажу, что с вами была, – беспечно ответила она.

– Здорово придумано, – пробормотал Лёша. Всё агентство знает о том, что веснушчатая уборщица работает там, чтобы удачно выйти замуж; угадайте – зачем она сопровождает почти разведённого копирайтера?..

Кто-то из совсем уже законченных по нынешним временам поэтов сказал, что девушка, сидящая в автомобиле с открытой дверцей, выставившая напоказ стройную ногу в чулочном шёлке, является символом продажной любви, замершей в ожидании, пока машина не тронется с места. Лёша был в восторге от продажной любви. Женщина в полупальто с мохнатыми манжетами и воротником, сосредоточенно искала что-то в своей сумочке, находила, бросала внутрь найденное, вновь искала, а её колени пребывали в едва заметном движении, выдававшем нетерпение, раздражение...

– Э-эй...

Ира не стала терзать его за рукав плаща, просто положила ладонь на его подбородок, повернула к себе лицом, затылком к продажной автомобильной любви. Он мог возмутиться, справедливо негодуя: конопатая уборщица приходилась ему никем, но Ирина сунула в его руку хот-дог, в котором мёртво-розовая сосиска утопала в половине французской булки, залитая всевозможными приправами.

– Я не знала, вам с горчицей или без, сказала, чтобы положили...

– Правильно сказала, – похвалил он.

По пути девушка умудрялась есть, и одновременно засыпать его вопросами:

– А вы пишете давно?

– Давно.

– А сколько?... Лет десять?..

– Пусть будет десять...

– Наверно много написали, – заметила она.

– Я почти всё сжёг, лет пять назад.

– Зачем? – искренне удивилась Ира.

– Женился, хотел человеческую жизнь прожить...

– А почему опять начали?

– Через месяц из одного журнала позвонили, спросили: можно им мой рассказ напечатать...

– Какой журнал?

– Не помню. Их тогда навалом было. Он сейчас уже не печатается...

– А рассказ они напечатали?

– Напечатали.

– И вы после этого всё заново перепечатали? Всё что сожгли?..

– Не всё. Почти всё...

– А почему вы Диму во всех почти рассказах и повестях упоминаете? Потому что он – это вы? – заговорщицки прищурившись, спросила Ирина.

– Потому что Дима – первый мой персонаж, который я представлял себе полностью, – сказал писатель.

– А все остальные?

– Вторяк, паллиатив, производное...

– А почему ружьё? Обычно пистолеты, автоматы...

– Хотелось сделать символ.

– У нас одна девчонка в училище говорит, что ружьё у вас – это член.

Лёша чуть не подавился от такой точки зрения. Не мог себе даже и представить подобную трактовку собственного творчества.

– Дура твоя девчонка, Фрейда обчиталась, – с неожиданной злостью проговорил он, – трахаться, наверно, не с кем. Фильмов я посмотрел, думал, что классно будет, если парень ради своей девушки ограбит обменник... Ничего нового, – более спокойно заметил Лёша.

– Это и правда круто, – сказала Ира, но видно было, что сказала комплимент, а не признала факт. – Только у вас всё сложно очень. И растянуто...

– Как получилось... Мы пришли...

Он не приглашал её пройти в опустевшую квартиру – неубрано, да и пылища, скопившаяся за два дня, в солнечном свете имела свойство нахальничать, выставляться напоказ. Ира осталась в прихожей, не разуваясь. Каждый раз, когда он проходил мимо, она почему-то опускала глаза, а когда исчезал в квартирной глубине, к нему доносилось её любопытство:

– Вы здесь один живёте?

– С подругой.

– А почему с ней к Кукрыниксу не пошли?..

– Мы поссорились...

Искомый текст нашёлся в прозрачном файле, файл был подшит скоросшивателем, пока Лёша возился со всеми этими бюрократическими приспособлениями, к нему пришла отгадка: соседи. Конопатое и кудрявое чудо кричало через всю квартиру, чтобы соседи знали – она стоит у двери и ничего больше в квартире не происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.